

А. Ю. Митрофанов

**БРАК АВГУСТЫ ЕПИФАНИИ С ТЮРКОМ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ
ИЛИ ГЛАВА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА?**

Патриарх Никифор (ок. 758–828), известный историк и предстоятель Константинопольской церкви (806–815) в эпоху, предшествовавшую второму этапу иконоборчества, в своей «Краткой истории» оставил интереснейший рассказ о встрече императора Ираклия и его союзника, тюркского кагана, которая произошла в начале 627 г.¹ Эта встреча послужила прологом к решающему походу Ираклия против персов². Никифор, писавший о событиях царствования Ираклия, вероятно, в период правления императрицы Ирины (780–802), опирался на самый разнообразный круг источников, относящихся к эпохе Ираклия. Значительная часть этих источников до нас не дошла. Эпизод, посвященный встрече Ираклия с тюркским каганом, начинается с характеристики Никифором положения Восточной Римской империи в начале 620-х гг. По словам историка, Империя погибала от «голода и чумной

¹ *La Vassière, de, E.* Oncles et frères: les qaghans Ashinas et le vocabulaire turc de la parenté, in : *Turcica*. 2010. No 42. P. 267–278; *Kaegi, W. E.* Heraclius. Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003. P. 143; *Pernice, A.* L'Imperatore Eraclio. Firenze, 1905. P. 152–155; *Drapeyron, L.* L'empereur Héraclius et l'Empire byzantin au VIIe siècle. Paris, 1869. P. 216–218.

² Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History. Text, Translation and Commentary by Cyril Mango. Washington, D. C., 1990. P. 54–56.

смерти» (λιμῶ πειζομένης τῆς Ρωμαϊκῆς Πολιτείας καὶ λοιμικῶ θανάτῳ φθειρομένης). В описанной ситуации Ираклий, обеспокоенный нападениями аваров и персов, вверил своих детей и столицу патриарху Сергию (610–638) и патрицию Бону, а сам отправился на кровопролитную войну против Сасанидского Ирана (623/624 г.). Как показал Пауль Шпек, оставленными в Константинополе детьми Ираклия были Август Ираклий Константин (612–641) и Августа Епифания/Евдокия (611–?)³, дети Ираклия от первой жены Фабии. В начавшейся персидской экспедиции императора сопровождала вторая жена, императрица Мартина⁴, брак с которой по аргументированному мнению Пауля Шпека был заключен в 622/623 г.⁵ Возможно, именно Мартина и была вдохновительницей всего предприятия. Согласно Никифору, Ираклий отправился морским путем, через Понт Эвксинский (Черное море) в Лазик, намереваясь оттуда вторгнуться в Персию. В Лазике у Ираклия и Мартины родился сын, известный впоследствии как несчастный император Ираклон (626–641). Находясь в Лазике, Ираклий отправил послов с дарами к «тюркскому государю» (πρὸς τὸν Τοῦρκων κύριον) и предложил ему союз против персидского шаха Хосрова II Парвиза (591–628). Тюркский государь принял предложение Ираклия и направился к императору в сопровождении «несметных тюркских полчищ» (σὺν πλήθει Τοῦρκων πολλῶ). Обрадованный Ираклий двинулся со своими войсками навстречу новому союзнику.

На этом заканчивается вступление Никифора к рассказу о переговорах Ираклия с «Турком», заимствованное из несохранившихся хроник, и начинается содержательная часть повество-

³ *Martindale, J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III A: AD 527–641. Cambridge, 1992. P. 445–446. Епифания родилась 7 июля 611 г., была коронована 4 октября 612 г. в младенческом возрасте и получила при коронации имя Евдокия.

⁴ *Garland, L.* Byzantine Empresses. Women and Power in Byzantium, AD 527–1204. London; New York, 1999. P. 61–72.

⁵ *Speck, P.* Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros Ποικίλα Βυζαντινά 9. Bonn, 1988. S. 33–43. Джон Мартиндейл указывает дату брака Мартины и Ираклия, основанную на ошибочном сообщении Феофана. См.: *Martindale, J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III B: AD 527–641. Cambridge, 1992. P. 837.

вания, в которой содержится история обручения дочери Ираклия, Августы Епифании/Евдокии, и тюркского государя. Пауль Шпек считал эту историю вымышленным эпизодом из утраченного византийского Романа об Ираклии⁶, а Константин Цукерман — историческим фактом, отразившимся в утраченном историческом сочинении VII в., ставшем источником Никифора⁷. Константин Цукерман подверг критике аргументы Пауля Шпека на том основании, что реконструкция правления Ираклия, предложенная этим исследователем, основана исключительно на греческих источниках. При этом Пауль Шпек игнорировал армянские источники, а именно «Историю страны Алуанк» Мовсеса Каганкатвази (Дасхуранци) и китайские источники, которые подтверждают ряд деталей, известных из повествования Никифора, в частности, сам факт переговоров Ираклия и «Тюрка», а также смерть тюркского государя⁸. Источником Никифора могла быть гипотетически существовавшая Хронография Траяна Патрикия или иная греческая хроника, в которой, по мнению Д. Е. Афиногенова, описывалась римская история со времен императора Иовиана (363–364), и, возможно, до воцарения императора Юстиниана II (685–695; 705–711)⁹.

И. С. Чичуров, ссылаясь на сведения Феофана, определил место встречи, полагая, что она произошла в окрестностях Тбилиси¹⁰.

⁶ *Speck, P. Épiphanie et Martine sur les monnaies d'Héraclius*, in: *Revue Numismatique*. 1997. P. 457–465.

⁷ *Zuckerman, C. La petite Augusta et le Turc. Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius*, in: *Revue Numismatique*. 1995. P. 113–126.

⁸ *Zuckerman, C. Au sujet de la petite Augusta sur les monnaies d'Héraclius*, in: *Revue Numismatique*. 1997. P. 473–478.

⁹ *Афиногенов, Д. Е. Загадочная смерть императора Иовиана. Текстологический этюд*. В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2011. Вып. 15. С. 15–21; *Афиногенов, Д. Е. Гибель императора Валента в греческой историографической традиции*, В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2012. № 16. С. 34–41; *Афиногенов, Д. Е. Новые следы Патрикия Траяна?* В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2014. № 18. С. 13–21; *Афиногенов, Д. Е. Рассказ об осаде Константинополя в 717–718 годах в хронике Феофана Исповедника: следы редакторской работы*, В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2018. № 22–1. С. 60–67.

¹⁰ *Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография»*

Эта крепость находилась под контролем персов и их грузинских сателлитов, поэтому взятие Тбилиси представляло собой перво-степенную задачу для Ираклия и его новоиспеченных тюркских союзников. С точки зрения И. С. Чичурова, комментировавшего рассказ Феофана, «тюркским государем», с которым встречался Ираклий, был некто Ζιέβηλ, второй человек после кагана, что «видимо, точнее передает тюркскую иерархию». Армянский историк Мовсес Каганкатвази подтверждает сообщение Феофана, называет тюркского государя титулом «Ябгу Каган», а командующего тюркскими войсками, пришедшими на помощь Ираклию, признает племянником «Ябгу Кагана» с титулом «Шад»¹¹. Позже мы рассмотрим проблему соотношения сведений Никифора, Феофана и Мовсеса Каганкатвази, а также вопрос идентификации «Тюрка». Теперь же остановимся на анализе рассказа Никифора, который отождествляет «тюркского государя», прибывшего на переговоры с Ираклием, с самим каганом.

Увидев императора, тюркский государь сошел с коня и поклонился до земли. Примеру своего повелителя последовали все тюркские воины. Ираклий приказал «Тюрку» приблизиться к нему верхом, тем самым давая понять варвару, что римский император воспринимает его как равного себе. Очевидно, что император и каган продолжали переговоры, сидя в седле. Ираклий назвал кагана своим «чадом» (τέκνον ἰδίου ὀποκαλῶν). Каган обнял императора, а Ираклий снял со своей головы венец (στέφανον) и возложил его на голову «Тюрка».

И. С. Чичуров, ссылаясь на Франца Дельгера, допускал, что объявление «Тюрка» «чадом» императора, вероятно, отражало место Хазарского каганата в византийской иерархии средневековых государств, во главе которых стоял римский император¹².

Феофана, «Бревиарий» Никифор. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 170.

¹¹ *Dasxuranci, M.* The History of the Caucasian Albanians / Trans. by C. J. F. Dowsett. London, New York, Toronto, 1961. P. 87–88; *Howard-Johnston, J.* Armenian Historians of Heraclius: An Examination of the Aims, Sources and Work-Methods of Sebeos and Movses Daskhurantsi, in: *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* / Ed. by Reinink G. R., Stolte B. H. Leuven; Paris, Dudley, MA, 2002. P. 41–62.

¹² *Чичуров, И. С.* Византийские исторические сочинения. С. 170. Джон Роберт Мартиндейл в известном справочнике, а также Анджело Пер-

К сожалению, исследователи оказались в плену анахронистических представлений Феофана. Феофан, следуя своим источникам, перенес в первую половину VII в. реалии, характерные для более поздней исторической ситуации, сложившейся к концу VIII в. Современником этой новой исторической ситуации был основным информатор Феофана — Георгий Синкелл. Поэтому Феофан перепутал тюрков с хазарами (τοὺς Τούρκος ἐκ τῆς Ἐφᾶς, οὓς Χάζαρες ὀνομάζουσιν)¹³. Эта же ошибка содержалась в сирийском источнике, составленном не ранее 670 г., на который опирались в рассказе об Иракии и кагане поздние сирийские писатели¹⁴. В первой половине VII в. Хазарского каганата еще не существовало, ибо хазары установили свою власть над степями Северного Предкавказья только после 670 г.¹⁵. Вместо хазар в степях Предкавказья и Прикаспия господствовали древние тюрки, которые создали в VI в. так называемый Первый Тюркский каганат, в 603 г. распавшийся на Западный и Восточный каганаты. Контакты римлян с тюрками в период, предшествовавший воцарению Иракии, были довольно сложными. Юстин II (565–578) поссорился с тюрками, вышедшими к берегам Азовского моря и в 575 г. опустошившими Колхиду. Маврикий (582–602) был заинтересован в союзе с тюрками для совместной борьбы против Аварского каганата, а также против персов, которых спас от тюркского нашествия воспетый арабским

ниче и Людовик Драпейрон в своих устаревших монографиях об Иракии, повторяют ошибку Феофана о хазарах. См.: *Martindale, J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III A: AD 527–641.* Cambridge, 1992. P. 446; *Pernice, A. L'Imperatore Eraclio.* Firenze: Galletti e Cocci, 1905. P. 152–155; *Drapeyron, L. L'empereur Héraclius et l'Empire byzantin au VIIe siècle.* Paris: E. Thorin, 1869. P. 216–218.

¹³ Theophanis Chronographia / Hrsg. von K. De Boor. Leipzig, 1883. Vol. I. P. 315. 15–16.

¹⁴ Chronique de Michel le Syrien (XI. 3) / Par J.-B. Chabot. Paris, 1901. T. II. P. 409; Chronicon a. 1234 (XCVIII) / Par J.-B. Chabot. Paris, 1914. T. I. P. 98; Bar Haebreus. Chronography (X) / Ed. by E. A. Wallis Budge. London, 1932. P. 69; *Watt John W. The Portrayal of Heraclius in Syriac Historical Sources, in: The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* / Ed. by Reinink G. J., Stolte B. H. Leuven; Paris, Dudley, MA, 2002. P. 63–79.

¹⁵ *Howard-Johnston, J. Armenian Historians of Heraclius: An Examination of the Aims, Sources and Work-Methods of Sebeos and Movses Daskhurantsi, in: The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation...* P. 57–58.

историком ат-Табари выстрел Бахрама Чубина (590–591) в битве под Гератом¹⁶. Вмешательство Маврикия в гражданскую войну, шедшую в Персии между Бахрамом Чубином и сторонниками династии Сасанидов, способствовало укреплению римско-тюркского альянса¹⁷. Своеобразным памятником римско-тюркского союза в эпоху Маврикия стала известная история так называемых псевдоаваров или вархонитов, пересказанная Феофилактом Симокаттой. Эта история представляет собой тюркскую фальсификацию, заимствованную Феофилактом из письма тюркского кагана императору Маврикию¹⁸. В настоящее время доказано, что авары представляли собой протомонгольское или же протоманьчжурское племя, ушедшее на Запад после падения Рураньского каганата под ударами тюрков Ашина¹⁹. Тюркские каганы рассматривали себя как минимум равными римским императорам, если не превосходящими их, поэтому предположение о том, что какой-то представитель тюркского кагана был объявлен «чадом» Ираклия в соответствии с более поздней иерархией «византийского содружества», которая сложилась в эпоху императрицы Ирины, не выдерживает критики.

¹⁶ *Pourshariati, P.* Decline and Fall of the Sassanian Empire. The Sassanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. London; New-York: I. B. Tauris, 2008. P. 122–137; *Touray, D.* Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire. London; New York, 2009. P. 31–32; *Гумилев, Л. Н.* Подвиг Бахрама Чубины. Л., 1962. С. 13–36.

¹⁷ *Withby, M.* The Emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare. Oxford, 1988. P. 292–297.

¹⁸ *La Vassière de E.* Theophylact's Turkish *Excurs* revisited, in: *V. Schiltz* (ed.), *De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin – II*, Paris, CNRS Editions, 2015. P. 91–102; *La Vassière de E.* Maurice et le Qaghan: à propos de la digression de Théophylacte Simocatta sur les turcs, in: *Revue des Etudes Byzantines*. Vol. 68. 2010. P. 219–224; *Гумилев, Л. Н.* Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности, В кн.: *Византийский временник*. Т. XXVI. М., 1965. С. 67–76.

¹⁹ *Golden, P.* Some notes on the Avars and Rouran, in: *The Steppe Lands and the World beyond them: Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday*. Iasi, 2013. P. 43–66; *Хелимский, Е. А.* Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология: матер. к докл. на XIII Междунар. съезде славистов, Люблина, 15–21 авг. 2003 г. Гамбург, 2003. С. 3–12.

Разбирая эпизод, описанный Никифором, можно прийти к выводу, что перед нами находится описание процедуры усыновления, известной из римского права. Классическое римское право знало две формы усыновления: *arrogatio* — публичное усыновление решением народного собрания²⁰ или же, начиная с эпохи принципата, рескриптом императора²¹, а также *adoptio* — частный юридический акт, уходящий своими корнями к Законам XII таблиц, предполагавший смену усыновляемым *paterfamilias* и семьи²². В византийском церковном праве усыновление с течением времени перестало быть исключительно юридической процедурой и приобрело характер священнодействия. Император Лев VI Философ (886–911) именовал усыновление «детотворением»²³. Евхологий Стратигия (1027) содержит молитвы усыновления (неполный текст), которые священник читал над усыновляющим и усыновляемым²⁴. В более позднее время чинопоследование усыновления приобрело развитую литургическую форму, сохранившуюся, в частности, в русском Требнике Патриарха Иосифа. Согласно этому чинопоследованию усыновляемый должен был совершить преклонение (проскинесис) перед усыновляющим, а последний произносил слова Второго Псалма: «Υἱὸς μου εἶ σύ, ἐγὼ σήμερον γεγέννηκά σε» (Сын мой еси ты, аз днесь родих тя») (Пс. 2, 7). Очевидно, что поздние Евхологии отражают чин усыновления, сложившийся уже в постиконоборческий период. В ранневизантийскую эпоху усыновление еще представляло собой юридический акт, совершаемый в полном соответствии с нормами классического римского права. Процедура усыновления активно использовалась в эпоху Антонинов (96–192) и в эпоху Тетрархии (293–313), для обеспечения правопреемства власти в Римской империи.

²⁰ Sueton. Aug. 65.

²¹ App. BC III. 94. Tac. Ann. XII 26. 41; Hist. I 15. 12–19. Sueton. Galba 17. Dio Cass. LXX 1. LXXIX 17. Hist. Aug. Hadr. 4. 24; Pius 4; Phil. 5; Aur. 14. 15.

²² Gai. I. 134; Inst. I. 11; Dig. I. 7. CJ VIII. 47 (48).

²³ Novell. Leo. 24. 89.

²⁴ Paris. Coislin 213. См.: *Аррани, М.* Таинства Византийского Евхология. Рим; М., 2003. Т. III. С. 54; *Соколов, И. И.* Усыновление и его отношение к браку в Византии и на современном греческом Востоке: Историко-правовой очерк. СПб., 1910. С. 25–127.

Подобная процедура вновь приобрела политическое значение в эпоху правления династии Юстиниана I (527–565). Прокопий Кесарийский сообщает нам, что в царствование императора Юстина I (518–527) имел место следующий прецедент. В 520-е годы персидский шах Кавад (488–496, 499–531) предложил Юстину I усыновить Хосрова — своего сына от парфянской княжны из рода Испахбедов²⁵. Юстин I и его племянник Юстиниан крайне обрадовались, однако сенатор Прокл выступил категорически против подобного усыновления, мотивируя свой протест тем, что усыновление Хосрова римским императором даст Хосрову право со временем претендовать на императорскую порфиру и на всю Империю. Юстин I благоразумно внял совету и ответил Каваду встречным предложением усыновить Хосрова по иранскому обычаю — посредством вручения усыновленному оружия и доспехов, но без процедуры усыновления, предписанной римским правом, которая требовала участия нотариев и составления письменного акта. Кавад воспринял это как оскорбительный отказ²⁶. Усыновление как способ передачи власти сохраняло свое значение и в средневековой Византии, о чем свидетельствует ряд примеров. В 1041 году императрица Зоя Порфирородная усыновила племянника своего второго мужа императора Михаила IV Пафлагонца (1034–1041) — будущего императора Михаила V Калафата (1041–1042), который благодаря этому вступил на престол²⁷. Сестра Зои императрица Феодора Порфирородная (1055–1056) назначила преемником Михаила VI Стратиотика (1056–1057), который также был усыновлен Феодорой²⁸. Наконец, император Алексей I Комнин был усыновлен императрицей Марией Аланской и благодаря этому обстоятельству получил беспрепятственный допуск во дворец²⁹. Это усыновление существенно облегчило подготовку комниновского переворота весной 1081 г.

²⁵ *Pourshariati, P.* Decline and Fall of the Sassanian Empire... P. 83–85.

²⁶ Procopius BP I. 11. 5–29.

²⁷ *Michel Psellos.* Chronographie / Par E. Renauld. Paris, 1926. T. I. P. 87.

²⁸ *Michel Psellos.* Chronographie / Par E. Renauld. Paris, 1928. T. II. 83.

²⁹ *Anne Comnène.* Alexiade / Par B. Leib, Paris. 1967. T. I. P. 65; *Chalandon, F.* Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I: Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081–1118). Paris, 1900. P. 39–43.

Странность сообщения Никифора заключается в том, что, усыновляя тюркского кагана, Ираклий тем самым давал этому правителю кочевников право претендовать на политическую власть над Восточной Римской империей. Причем сам каган, вероятно, об этом даже не подозревал, ибо древние тюрки придерживались традиционной лествичной системы наследования, и тем самым акт усыновления терял всякий смысл. С нашей точки зрения подобная странность объясняется тем, что в действительности Ираклий не усыновлял тюркского государя. Акт усыновления кагана римским императором, описанный Никифором, в реальности представлял собой побратимство. Еще древнегреческий историк Геродот (484–425 до Р. Х.) описывал обряд побратимства у древних скифов³⁰. Греческий писатель римского времени Лукиан Самосатский (125–180), опираясь на исторические произведения, созданные в Боспорском царстве, также рассказывал об обычае побратимства, который существовал у скифов и в более позднее время. В диалоге «Токсарид» два друга, скифские воины Дандамид и Амизок, совершают обряд побратимства, выпивая кровь друг друга³¹. Возможно, древние тюрки также рассматривали побратимство как наиболее действенный способ скрепить союз через формирование новых родственных уз. А. М. Хазанов связывал эволюцию побратимства у скифов с развитием дружинной культуры, которая, возможно, приобретала аналогичные формы и у более поздних кочевников: сарматов и гуннов³². Особые формы побратимства существовали в архаическую эпоху также и у древних римлян³³. В период Тетрархии эти формы, возможно, еще сохранялись как рудимент, повлиявший на политическую теорию императорской власти времен Диоклетиана (284–305) и Константина (306–337). В частности, Константин в письме персидскому шаху Шапуру II (309–379) именовал шаха «брат мой»³⁴. Примечательно, что в византийском церковном праве обычай побратимства

³⁰ Herod. IV. 70.

³¹ Lucian. Тохар. 37. 39–40.

³² Хазанов, А. М. Обычай побратимства у скифов, В кн.: *Сов. археология*. 1972. № 3. С. 68–75.

³³ Vergil. Georg. 2. 510.

³⁴ Eusebius VC IV. 11.

получил церковное освящение, которое выражалось в особом чинопоследовании «братотворения» (Ἡ Αδελφοποίησις)³⁵. По мнению А. А. Ткаченко, некоторые рукописи византийского Евхология, в частности, Vat. Barb. gr. 336 (VIII в.) и Sinait. gr. 957 (X в.) содержат молитвы братотворения, отражающие доиконоборческую практику, т. е. церковный чин, который уже мог сложиться к эпохе Ираклия или же вскоре после нее³⁶. Подобное обстоятельство побуждает нас высказать предположение о том, что усыновление «Тюрка» Ираклием, описанное Никифором, в действительности представляет собой позднюю художественную репрезентацию обряда побратимства, который был совершен Ираклием и каганом в той форме, которая существовала у тюрков. Поскольку «Тюрк» был язычником, братотворение было совершено императором и каганом в соответствии с тюркской традицией побратимства: верхом на конях посредством ритуального объятия.

Сообщение Никифора о том, что Ираклий возложил на кагана собственный императорский венец заслуживает особого рассмотрения. Римский языческий историк IV века Псевдо-Аврелий Виктор, автор известной «Эпитомы о цезарях», рассказывает, что Аврелиан (270–275) стал первым римским императором, который увенчал себя золотой короной с драгоценными камнями, что прежде было римлянам совершенно чуждо³⁷. Антонинианы Аврелиана действительно демонстрируют нам портрет этого императора в металлической короне с зубцами. Образ Аврелиана как увенчанного короной императора, шедшего в бой впереди своих легионов и вексиляций, мог прочно запечатлеться в памяти жителей Галлии, где Аврелиан основал новый город для своих ветеранов — *Augusta Aurelianorum* (Орлеан) и с течением веков трансформироваться в короля Артура, объединяющего рыцарей Круглого стола. Однако в распоряжении исследователей находятся антонинианы многочисленных предшественников Аврелиана, которые также использовали корону с зубцами вместо лаврового венка эпохи принципата. Монеты свидетельствуют

³⁵ Аррани, М. Таинства Византийского Евхология. Рим; М. 2003. Т. III. С. 42–43, 355–356.

³⁶ Ткаченко, А. А. Братотворение [Электронный ресурс], В кн.: *Православная энциклопедия*: электрон. научн. журн. Т. VI. URL: <https://www.pravenc.ru/text/153343.html>

³⁷ Epit. XXXV. 5.

о том, что одним из первых римских императоров, носивших зубчатую корону вместо лаврового венка, был Гордиан III (238–244).

Известно, что в период борьбы Константина с Максенцием (306–312) пропаганда Константина распространяла слухи о родственных связях тетрарха Констанция Хлора (293–306) и семьи Гордианов. Константин нуждался в укреплении своего авторитета после того, как август Максимиан Галерий (305–311) дважды отказывался признать его равноправным себе. После смерти отца, Констанция Хлора, во время похода против пиктов и скоттов 25 июля 306 г. Константин был поднят на щит и провозглашен августом солдатами своего отца и аламаннскими дружинниками короля Крока в Эбораке (Йорк)³⁸. Панегирист Евмений сообщает легенду о том, что Константин будто бы не хотел принимать верховную власть и даже попытался умчаться от собственных солдат на коне, вонзив в его бока шпоры³⁹. Однако более поздние языческие историки: Аврелий Виктор и автор «Эпитомы о цезарях», известный под именем Псевдо-Аврелия Виктора, единодушны в утверждении, что Константин узурпировал власть. Именно этим обстоятельством объясняется то, что август Максимиан Галерий отказался признать Константина, своего бывшего подчиненного, равным себе, оставил ему лишь титул цезаря, а августом назначил своего друга и собутыльника Флавия Севера. Спустя два года, 11 ноября 308 г., на съезде тетрархов в Карнунте Диоклетиан и Максимиан Галерий вновь не признали Константина августом, назначив на место погибшего Флавия Севера сослуживца Галерия, Лициниана Лициния. Константин и Максимин Даза получили на Карнунтском съезде титулы «сыновей августа»⁴⁰. Если соперник Константина Максенций был сыном августа Максимиана Геркулия (285–305) и его жены — знатной ассирийки Евтропии,

³⁸ Eusebius VC I. 22; Aur. Vict. XL. 3–4; Epit. XLI. 3.

³⁹ Eumen. I. 7–8.

⁴⁰ Barnes, T. Christentum und dynastische Politik (300–325), in: *Usurpationen in der Spätantike* / Hrsg. von F. Paschoud, J. Szidat. Stuttgart, 1997. S. 99–110; Barnes, T. *Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*, Oxford, 2014. P. 61–66; Barnes, T. *The New Empire of Diocletian and Constantine*, Cambridge, 1982. P. 68–80; Barnes, T. *Constantine and Eusebius*, Cambridge, 1981. P. 28–33; Seek, O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. B. I. Stuttgart, 1895. S. 42–76.

то Константин был сыном младшего тетрарха, ставшего августом только после отставки Диоклетиана и Максимиана Геркулия, и его konkубины Елены, которую обвиняли в занятии проституцией⁴¹. По этой причине Константин старался повысить свой авторитет в армии и в распадающейся тетрархии при помощи фабрикации фальшивого происхождения. Панегиристы, служившие при дворе Константина в этот период, сочинили своему патрону генеалогию, исходя из которой отец Константина, Констанций Хлор, был сыном племянницы императора Клавдия II Готского (268–270), Евтропии, дочери его брата Криспа⁴². По мнению современных исследователей, ни Евтропия, ни Крисп в действительности никогда не существовали. Константин, вероятно, был автором слухов о том, что отцом Клавдия II был император Гордиан II (238), а матерью некая женщина, которая по свидетельству Псевдо-Аврелия Виктора обучала юного Гордиана любовным утехам для последующего бракосочетания с благородной матроной⁴³. Объявляя своего отца внучатым племянником Клавдия II, Константин в глазах общественного мнения делал свое происхождение еще более древним, так как тем самым связывал его с Гордианом II и с его отцом и соправителем Гордианом I (238). Гордиан III, одним из первых использовавший зубчатую корону в качестве символа императорской власти, по-видимому, был сыном Меции Фаустины, дочери Гордиана I (238), и сенатора Юния Бальба⁴⁴. Нельзя исключать, что Константин опирался на какую-то семейную историю, которая действительно приписывала Констанцию Хлору родство с Гордианами. Известны монеты Констанция Хлора, на которых этот тетрарх изображен не в лавровом венке, который вновь появляется на монетах различных императоров периода тетрархии, а в зубчатой короне. Возможно, Констанций Хлор не просто подражал своим предшественникам из числа так называемых «солдатских» императоров, а следовал примеру своего названного родственника Гордиана III.

Традиция носить корону оказалась очень устойчивой и была унаследована последующими поколениями императоров Восточной

⁴¹ Zosim. II. 8. 9.

⁴² SHA Divus Claudius XIII. 2.

⁴³ Epit. 34. 2.

⁴⁴ Herod. VII. 10. 7–8; SHA Gordiani Tres XXII. 5.

Римской империи. Ранневизантийские монеты императоров из династии Юстиниана I демонстрируют нам эту изменившуюся корону, богато украшенную драгоценными камнями и подвесками. Изображение подобной короны присутствует на мозаичном портрете Юстиниана I из Равенны (Сан-Витале), на солидах Юстина II, Тиберия II, Маврикия и, наконец, Ираклия. На ранневизантийских монетах корона с подвесками пришла на смену римскому офицерскому шлему типа Концешты, который можно видеть на нумизматических портретах как предшественников Юстиниана I, начиная от Феодосия II Младшего (408–450), так и самого Юстиниана I. При этом старинная корона Константина, которая, вероятно, повторяла зубчатые короны «солдатских» императоров III века, могла служить предметом особого почитания в столице Империи на протяжении многих веков. Византийский историк Никита Хониат (1155–1217), описывая переворот, совершенный Исааком Ангелом 12 сентября 1185 г., сообщает очень выразительную деталь. Когда жители Константинополя и вооруженные солдаты в доспехах собрались в соборе Святой Софии, где скрывался от правосудия Исаак Ангел, они объявили императора Андроника I Комнина (1182–1185) низложенным и сразу же провозгласили Исаака новым императором римлян. Тогда некий юноша поднялся по лестнице над киворием, осенявшим престол, снял висевший над престолом венец императора Константина Великого (τὸ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου στέφος, ὃπερ ἄνωθεν ἀπὸ τῆς τραπεζῆς τῆς μυστικῆς) и затем возложил его на голову Исаака Ангела⁴⁵. Исаак сопротивлялся и не хотел принимать императорский сан. Его дядя престарелый Иоанн Дука снял с себя шапку и умолял солдат возложить венец Константина на его лысину, но восставшие не желали, чтобы преемником старого Андроника стал еще один старик. Исаак был вынужден подчиниться толпе и почти что вопреки собственной воле принял тот самый венец Константина, на который некогда, как кажется, покушался император-иконоборец Лев IV Хазар (775–780). Согласно легенде, восходящей к придворной пропаганде времен царствования императрицы Ирины

⁴⁵ *Nicetae Choniatae Historia* / Hrsg. von I. A. van Dieten. Berlin. CFHB 11/1. New York. 1975. Vol. I. P. 345.

(780–802), венец, взятый Львом из Великой церкви, поразил тогда нечестивого императора смертельной язвой⁴⁶.

Но традиция использовать венец или корону великих предшественников была заложена не Львом IV Хазаром, а непосредственным преемником Ираклия. Никифор сообщает нам важное обстоятельство. Когда после кончины Ираклия (11 февраля 641 г.) его сын от Фабии Ираклий Константин начал борьбу за власть, направленную против мачехи, императрицы Мартины, среди прочего он похитил из Великой Церкви императорский венец отца. Украденный венец незадолго до этого был возложен на голову покойника во время погребения в церкви Святых Апостолов. После смерти Ираклия Константина 25 мая 641 г. венец Ираклия был посвящен Богу и отдан в Великую церковь Ираклоном, сыном Ираклия и Мартины. Этот венец стоил 70 литр золота⁴⁷. Не исключено, что именно он был похищен век спустя Львом IV Хазаром из Великой Церкви и в 1185 г. использовался при провозглашении Исаака Ангела императором в качестве «венца Константина».

Ираклий подобно своим предшественникам носил дорогую корону на церемониях и дипломатических мероприятиях, и в этом не было ничего удивительного. Однако поход на Кавказ в 627 г. не был церемонией или дипломатическим мероприятием, а встреча Ираклия с «Тюрком» проходила в полевых условиях, с оружием и на конях. Сложно представить, чтобы в подобной обстановке Ираклий встречал кагана с драгоценной короной на голове. Тем более что, как пишет далее Никифор, Ираклий не доверял «Тюрку» и опасался повторения истории с аварским каганом, который за несколько лет до персидской кампании Ираклия обманул императора, атаковал императорский конвой, выехавший за «Длинные стены» Константинополя для переговоров, и захватил предметы императорского обихода. Сам Ираклий тогда еле ушел от погони. Неудачная борьба с аварами, кочевниками монгольского или маньчжурского происхождения, подчинившими

⁴⁶ *Theophanis Chronographia*. P. 453. 25–30; *Speck*, P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. Quellenkritische Darstellung von 25 Jahren byzantinischer Geschichte nach dem ersten Ikonoklasmus. München, 1978. B. I. S. 53–103; B. II. S. 423–492.

⁴⁷ Nikephoros, Patriarch of Constantinople. P. 80. 3–6.

своей орде различные тюркские и славянские племена и рассматривавшими балканские провинции империи как территорию своей экспансии⁴⁸, научила Ираклия не доверять степнякам. Более правдоподобно предположение о том, что на встрече с «Тюрком» Ираклий был в шлеме, и тогда жест императора становится понятным. Император обменялся с каганом оружием и отдал ему свой шлем в соответствии с традициями побратимства, существовавшими у кочевников. Но источник Никифора пересказал этот эпизод весьма нелепым образом, превращая братотворение императора и кагана в усыновление «Тюрка» Ираклием и интерпретируя традиционный для побратимства обмен оружием, в частности, обмен шлемами, как дарение «Тюрку» императорского венца. В реальности жест Ираклия, описанный Никифором, мог создать опасную иллюзию передачи тюркскому кагану верховной власти над Империей и по этой причине был невозможен. Удивительно, как только мимо этого эпизода прошли греческие коллаборанты, состоявшие на службе у османского султана Мехмеда II?!

Шлемы, бывшие в VI–VII вв. на вооружении у солдат и офицеров Восточной Римской империи, хорошо представлены археологическими находками. Благодаря упомянутым изображениям на монетах Анастасия I (491–518), Юстина I и Юстиниана I мы можем сделать вывод о том, что офицерский состав восточно-римской армии продолжал носить шлемы с гребнем типа Концешты, который получил распространение еще в предыдущем V столетии. Не исключено, что подобные шлемы надевали и в эпоху Ираклия. Кроме того, широкое распространение в армии Восточной Римской империи имели шпангенхельмы типа *Torricella Peligna* и типа бальденхейм, о чем нам сообщают данные археологии. Как свидетельствует Псевдо-Маврикий, на рубеже VI–VII вв. в восточно-

⁴⁸ Golden, P. Some notes on the Avars and Rouran, in: *The Steppe Lands and the World beyond them: Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday*. Iasi, 2013. P. 43–66; Trombley, F. R. Military Cadres and Battle during the Reign of Heraclius, in: *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* / ed. by Reinink G. R., Stolte B. H. Leuven, Paris, Dudley, 2002. P. 241–261; Pohl, W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München, 1988. S. 1–17; Хелимский, Е. А. Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология: матер. к докл. на XIII Междунар. съезде славистов, Любляна, 15–21 авг. 2003 г. Гамбург, 2003. С. 3–12.

римской армии получили распространение ламеллярные шлемы «аварского типа». К подобным шлемам относятся такие образцы, как аварский шлем, найденный в Хомутовском районе Курской области (VI в.), а также более ранние сяньбийские шлемы, например, шлем из могильника Лаохэшэнь (II–III вв.), шлем из крепости Лим-Чан (государство Тоба Вэй, VI в.)⁴⁹. Наконец, в эпоху Ираклия восточно-римские офицеры германского происхождения, например, готы, гепиды и лангобарды использовали парадные шлемы, существование которых зафиксировано еще Аммианом Марцелином, и которые представляли собой копии позднеимперских офицерских шлемов с нащечниками, назатыльником и маской. К такому типу шлемов относится, в частности, знаменитый парадный шлем из Саттон-Ху, принадлежавший англосаксонскому королю Редвальду (ок. 599 – ок. 624), современнику императора Ираклия. Не исключено, что Ираклий подарил «Тюрку» подобный шлем, а взамен получил в соответствии с традицией побратимства тюркский купольный шлем, известный нам по фрескам Афрасияба (сер. VII в.) и по более поздней находке на реке Мульта (Горный Алтай, IX–XI вв.). Очевидно, что шлем Ираклия, подаренный «Тюрку», как и подобает предмету императорского вооружения, был роскошно украшен инкрустацией и плюмажем, а потому производил на армянских солдат из императорского конвоя впечатление венца, короны, что нашло отражение в источнике Никифора. О роскоши плюмажей на императорских шлемах можно судить по рисунку утраченной в XVI в. статуи Юстиниана I, выполненному итальянским гуманистом Кириаком Пиццеколли (ок. 1391–1455) в 1430 г.

Никифор сообщает, что после дарения «венца» Ираклий не положил предела своей щедрости, но устроил пир, вручил кагану и его свите пиршественную утварь, по-видимому, серебряные миссории, императорские одежды, под которыми следует понимать предметы вооружения, например, популярные среди восточно-римских офицеров парадные мускульные кирасы и серьги, ношение которых распространилось среди римлян под

⁴⁹ Худяков, Ю. С., Скобелева, С. Г. (ред.) Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сб. научн. тр. Новосибирск, 2005. С. 7–224.

персидским влиянием. Подкуп «Тюрка» и его приближенных весьма вероятен, так как к подобным подкупам часто прибегали восточно-римские дипломаты. В 527/528 г. Юстиниан I подкупил гуннскую царицу Боа, правительницу сабиров/сяньбийцев⁵⁰ Предкавказья, которая благодаря этому обстоятельству заключила союз с Империей, напала на своих соплеменников, вставших на сторону персов, и разгромила их⁵¹. Преемники Юстиниана I на протяжении многих лет платили дань аварскому кагану Баяну, пытаясь таким образом откупиться от регулярных аварских набегов на Балканские провинции.

После того, как подарки были вручены, Ираклий, не доверявший «Тюрку» и опасавшийся повторения ситуации с аварским каганом, для утверждения договора решил прибегнуть к крайнему средству. Император показал кагану портрет своей дочери от первого брака, шестнадцатилетней Августы Епифании. «Тюрк» тотчас воспылил любовной страстью к архетипу, изображенному на портрете⁵². Портрет Епифании мог быть выполнен в фаяюмской технике, чем, возможно, объясняется его убедительность и воздействие на страстную натуру кагана. Ираклий произнес небольшую речь: «ἤνωσεν ἡμᾶς ὁ Θεὸς, σε τέκνον ἐμὸν ἀπέδειξεν. ἰδοὺ δὴ αὐτὴ θυγάτηρ μου ἐστὶ καὶ Ῥωμαίων Αὐγούστα. εἰ οὖν συναίρεις μου καὶ βοηθεῖς κατὰ τῶν ἐχθρῶν, εἰς γυναῖκα δίδωμι σοὶ αὐτήν»⁵³ («Бог соединил нас — явил тебя моим чадом. Вот дочь моя — Августа римлян. Если ты возьмешься вместе со мной за оружие и поможешь в борьбе с врагами, я дам ее тебе в жены»). Таким образом, Епифания, пробудившая страсть в сердце кагана, сыграла важную роль в заключении римско-тюркского союза против персов. Поздние сирийские историки: Михаил Сириец, Хронист 1234 года и Бар-Эбрей повторяют сообщение об

⁵⁰ Golden, P. The Stateless Nomads of Early Medieval Central Eurasia, В кн.: *Ματὴρ. πο ἀρχεολογίᾳ, ἱστορίᾳ καὶ ἐθνογραφίᾳ Ταύριου*. Т. XX. № 20. 2015. Р. 333–368; Pulleyblank, E. G. Tribal Confederations of Uncertain Identity. The Hsiung-nu, in: *Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta* / Ed. by H. R. Roemer. Berlin, 2000. Р. 52–101.

⁵¹ Ioan. Mal. XVIII. 13; Худяков, Ю. С. Женщины-воины у народов Сибири и Центральной Азии в древности и средние века, В кн.: *Вестник Новосибир. гос. ун-та*. Серия: История. Филология. 2017. С. 80–88.

⁵² Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Р. 56. 38–40.

⁵³ Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Р. 56. 35–38.

обручении Епифании с «Тюрком», заимствовав его из более раннего сирийского источника, который, как уже было сказано выше, мог быть создан не ранее 670 г.⁵⁴

Обещание римского императора отдать свою дочь, носившую с 4 октября 612 г., т. е. с младенческого возраста, титул Августы римлян, в жены варварскому правителю представлялось совершенно неслыханным делом. Как показала современная исследовательница И. Е. Ермолова, браки римлян и варваров неоднократно запрещались в IV в. рядом законодательных актов⁵⁵. В частности, императоры Валентиниан I (364–375) и Валент (364–378) воспретили подобные браки под страхом смерти⁵⁶ в связи с восстанием Фирма (372–375) в северной Африке. Может быть, экстраординарность шага Ираклия, если он действительно имел место, повлияла на источник Никифора, который превратил обряд побратимства Ираклия с «Тюрком» в усыновление именно для того, чтобы хотя бы как-то оправдать в глазах читателей брак Августы с варваром? Однако нельзя забывать, что исторические прецеденты заключения браков между варварскими династиями и знатными римлянками все-таки существовали, невзирая ни на какие запреты, и должны были быть хорошо известны Ираклию. Евнапий сообщает о браке готского войскового короля Фравитты с некой римлянкой, для заключения которого Фравитта испрашивал разрешение императора Феодосия I (379–395)⁵⁷. Стилихон, римский военачальник, вандал по рождению, женился на племяннице Феодосия I Серене с ведома и одобрения ее дяди. Вестготский король Атаульф (410–415) в 414 г. женился на плененной Аларихом дочери Феодосия I Галле Плацидии в целях приобретения политической выгоды⁵⁸.

⁵⁴ Chronique de Michel le Syrien. T. II. P. 409; Chronicon a. 1234 (XCVIII). T. I. P. 98; Bar Hebraeus. Chronography (X) / Ed. by E. A. Wallis Budge. London, 1932. P. 69.

⁵⁵ Ермолова, И. Е. К вопросу о матримониальных отношениях варваров и римлян, В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Вып. 17. СПб., 2013. С. 290–299.

⁵⁶ *СTh* III. 14. 1.

⁵⁷ Eunapius Fragm. 59.

⁵⁸ Olymp. Fragm. 24; Orosius VII. 40. 2. Людовик Драйперон полагал, что Ираклий опирался на прецедент Галлы Плацидии, когда планировал брак Епифании с «Тюрком». См.: *Drapeyron, L. L'empereur Héraclius*

Наконец, скандальную известность приобрела сестра императора Валентиниана III (425–455), Юста Грата Гонория, которая предложила свою руку и сердце самому Аттиле (434–453) и спровоцировала вторжение гуннов в Галлию и Италию⁵⁹.

Примеры браков между римлянами и варварами встречались также и в Восточной Римской империи. Император Аркадий (395–408) был женат на женщине германского происхождения императрице Элии Евдоксии (395–404). Знаменитый конфликт Элии Евдоксии с Константинопольским епископом Иоанном Златоустом демонстрирует нам два абсолютно различных понимания этими людьми роли и места знатной женщины в позднеримском обществе и в церкви⁶⁰. Этот конфликт можно понять только в том случае, если мы вспомним, какое место отводилось женщине в традиционном эллинистическом мире (1 Кор. 14, 34–35) и какое место свободная женщина, т. е. не рабыня, занимала у древних германцев. Высокое общественное положение свободной женщины в германском племени было зафиксировано еще Цезарем и Тацитом⁶¹, т. е. в эпоху, когда германцы переживали стадию разложения родового строя, а племя превращалось из аморфной этнической общности в военную структуру⁶². Элия Евдоксия была не «беснующейся Иродиадой», как будто бы восклицал Иоанн Златоуст⁶³, а дочь франкского военачальника на римской службе Флавия Баутона. Именно этим обстоятельством объяснялись ее смелость и независимость как от мужа, императора Аркадия, так и от церковной иерархии. Наконец, император Зенон (474–491) по рождению был не римлянином, а исаврийцем Тарасикодиссой.

et l'Empire byzantin au VIIe siècle. Paris, 1869. P. 218. С нашей точки зрения, брачный проект Ираклия, а точнее Мартины, был основан на precedente дочери Галлы Платидии, Юсты Граты Гонории. См.: ниже.

⁵⁹ Prisc. Pan. Fr. 15–16; *King Charles, W. Attila, Honoria, and the Nature of Hunnic Rule*, in: *Radical Traditionalism: The Influence of Walter Kaegi in Late Antique, and Medieval Studies* / Ed. by Ch. Raffensperger, D. Olster. London, 2019. P. 97–114.

⁶⁰ Socr. Schol. HE VI. 15.

⁶¹ Caes. BG I. 50–51; Tac. Germ. VIII.

⁶² Гуревич, А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. М.; СПб., 2018. С. 25–57.

⁶³ Ioan. Chrys. Spuria / PG 59. 485.

В 466 г. он женился на дочери императора Льва I (457–474) Ариадне и после смерти Льва I стал римским императором. Но все вышеперечисленные примеры были так или иначе связаны с браками между римлянами/римлянками и представителями уже романизированной варварской знати. В то же время брак августы Епифании, которая была соправительницей своего отца императора Ираклия, с тюркским каганом означал, что римская императрица должна отправиться в Дикую Степь к кочевникам, образ жизни которых представлял собой полную противоположность образу жизни и обычаям римлян. Но быть может, «Тюрк» принял христианство, и это обстоятельство создавало минимальные условия для организации его брачного союза с Епифанией? Для ответа на этот вопрос нам необходимо идентифицировать личность «Тюрка», заключившего союз с Ираклием и, возможно, ставшего его побратимом.

Выше уже было отмечено, что Феофан в описании встречи Ираклия и «Тюрка» в окрестностях Тбилиси называет «тюркского государя» именем Ζιέβηλ. По свидетельству Феофана, Ζιέβηλ был тюркским военачальником и вторым человеком после кагана. Феофан сообщает лишь, что, увидев Ираклия, Ζιέβηλ приблизился к императору, поцеловал его в плечо и простерся перед ним ниц (вероятно, сойдя с коня), а затем его примеру последовали все тюркские воины, почтив императора церемонией адорации в форме проскинесиса, которая была незнакома варварам. Причем «архонты», т. е. полевые командиры тюркского войска, забрались на камни и совершили там проскинесис перед императором⁶⁴. Затем тюркский военачальник представил императору своего старшего сына.

Известно, что церемония адорации появилась в Римской империи в эпоху тетрархии. Диоклетиан разорвал отношения с сенатом, продемонстрировал, что он обязан своей властью Юпитеру, а не сенаторам, и установил при дворе сложный церемониал адорации императора, заимствованный у сасанидских шахов⁶⁵. Во время церемонии Диоклетиан одевался в пышные одежды, украшенные драгоценными камнями⁶⁶. Для совершения церемонии он

⁶⁴ Theophanis Chronographia. P. 316. 8–11.

⁶⁵ Pan. Lat. III. 11. 1–2; Eusebius Chron. 296.

⁶⁶ Aur. Vict. XXXIX, 2; Eutr. IX, 26.

построил роскошный Большой дворец в Никомедии, где в 324 г., после победы над Лицинием, поселился Константин⁶⁷. Арианский историк Филосторгий рассказывает историю конфликта между императрицей Евсевией, второй женой Констанция II (337–361) и аномейским епископом Леонтием⁶⁸, который произошел незадолго до смерти императрицы в 360 г. Евсевия, по словам панегириста, отличалась выдающейся душевной и телесной красотой, добродетелями и была мудрым советником своему супругу⁶⁹. Однако, как сообщает Филосторгий, Леонтий отказался прибыть на церковный собор, созванный Констанцием именно из-за того, что на соборе должна была присутствовать Евсевия, принимавшая активное участие в богословских спорах. Леонтий был преисполнен комплексов женоненавистничества и фанатизма, которые в свое время привели его к убийству собственного сына. Этот епископ не желал совершать адорацию перед императрицей по причине собственной мизогинии. Интриги Леонтия привели к конфликту между Констанцием и Евсевией, который будто бы отослал императрицу с заседаний собора в гинекей⁷⁰. Прокопий Кесарийский на страницах «Тайной истории» сообщает, что Юстиниан I и Феодора изменили церемониал, установленный Диоклетианом, и превратили адорацию в проскинесис. Если раньше адорация предполагала преклонение перед императором правого колена для лиц, не имевших титула патриция, а для патрициев лишь преклонение головы к правому плечу императора, то теперь каждый обязан был простираться ниц перед императором и императрицей⁷¹. Церемониал предполагал также целование сапог императора и императрицы. В такой форме церемониал существовал и в эпоху Ираклия.

Закономерен вопрос, почему вдруг тюрки, которые, по словам самого Феофана, ничего не знали о церемонии проскинесиса, вдруг

⁶⁷ Socr. Schol. HE I. 6.

⁶⁸ Destephen, S. Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire. Diocèse d'Asie. Paris, 2008. P. 610–612; Holm, K. G. Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkeley; Los Angeles, 1982. P. 28.

⁶⁹ Iul. Orat. II. 8–10.

⁷⁰ Phil. HE Fragm. 6.

⁷¹ Procopius Anecd. XXX. 21–24. Прокопий отмечает, что до Юстиниана адорация не распространялась на особу императрицы, что противоречит приведенному выше сообщению Филосторгия.

совершили эту церемонию перед Ираклием? И почему тюркские полевые командиры для совершения этой церемонии полезли на камни? Чтобы подчеркнуть свой статус в тюркской иерархии? Чтобы показать императору свое отличие от остальной массы воинов? Если церемония, аналогичная проскинесису, существовала также у тюрков⁷², почему тогда Феофан говорит, что иноземцы о ней не ведают? Создается впечатление, что источник Феофана серьезно отредактировал историю встречи Ираклия с «Тюрком», оставил без внимания подробности, которые могли подорвать авторитет римского императора у читателей, наделил тюркских воинов невероятными знаниями в области придворного византийского церемониала в целях пропаганды величия Империи. Поэтому Феофан не знает ни об «усыновлении», т. е. побратимстве Ираклия и «Тюрка», ни об обручении «Тюрка» с Августой Епифанией. При этом в действительности трудно предположить, что тюрки, которые считали себя слугами Тенгри, т. е. господами поднебесного мира, совершили проскинесис перед иноземным правителем, который был сам заинтересован в их помощи в борьбе против персидского шаха. Источник Феофана (переработанная Феофаном хроника Георгия Синкелла) был вторичным и крайне тенденциозным текстом в отличие от «византийского романа», который, по мнению Пауля Шпека, лег в основу изложения Никифора⁷³. По этой причине нам представляется более обоснованной позиция Константина Цукермана, признававшего, что источник Никифора отражал реальную историю обручения Августы Епифании и «Тюрка».

И. С. Чичуров предпринял попытку идентифицировать личность «Тюрка», сопоставляя рассказ Феофана со сведениями армянских и грузинских источников. Как показал исследователь, тюркский военачальник Ζιέβηλ (у Анастасия Библиотекаря *Zihebil*) упоминается армянским историком Мовсесом Каганкатваци под именем «Ябгу Кагана» (Джебухагана), а грузинским историком Сумбатом Давитис-дзе под именем «Эристава Джибга»⁷⁴. На этом

⁷² Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения... С. 102.

⁷³ Speck, P. *Épiphanie et Martine sur les monnaies d'Héraclius*, in: *Revue Numismatique*. 1997. P. 457–465.

⁷⁴ *Dasxuranci, M. The History of the Caucasian Albanians*. P. 87–88; Сумбат

основании И. С. Чичуров отождествил тюркского военачальника по имени Ζιέβηλ с ябгу-каганом западных тюрков Тунг ши-ху, т. е. с Тун Джабгу ханом 統葉護可汗 (618–630)⁷⁵. Вывод И. С. Чичурова разделял также Константин Цукерман, который отождествлял таким образом Ζιέβηλ Феофана с женихом Августы Епифании у Никифора⁷⁶. Но как показал Этьен де ля Вассьер, Тун Джабгу был убит в 628 г.⁷⁷, в то время как благодаря Никифору нам известно, что в 629/630 г., т. е. в момент отъезда Августы Епифании из Константинополя к тюркам, жених был еще жив и погиб во время путешествия Епифании. Следовательно, Тун Джабгу не мог быть женихом Августы. Этьен де ля Вассьер отождествил Ζιέβηλ Феофана с дядей Тун Джабгу, Сипи (628–631/632) и утверждал, что женихом Августы Епифании был именно этот правитель⁷⁸.

Независимо от того, кто может претендовать на отождествление с Ζιέβηλ Феофана, указанные предположения исследователей не выдерживают критики по двум причинам. Во-первых, как мы уже выяснили, рассказ Феофана основан на источнике вторичного происхождения, который носит на себе следы сокращений и редакторских исправлений. Доверять ему при идентификации тюркского кагана чрезвычайно сложно. Проскинесис тюркских воинов перед Ираклием во время встречи под Тбилиси представляется совершенно невероятным, ибо эта встреча была встречей равных государей, причем во встрече был больше заинтересован Ираклий, нежели «Тюрк». Ζιέβηλ — это искажение тюркского титула ябгу, который мог быть произвольно присвоен в источнике Георгия Синкелла и Феофана любому тюркскому военачальнику. Вполне возможно, что источник Георгия Синкелла и Феофана был

Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах, В кн.: Картлис Цховреба. История Грузии / Пер. М. Д. Лоркипанидзе. Тбилиси, 2008. С. 222.

⁷⁵ Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения... С. 100–102.

⁷⁶ Zuckerman, C. La petite Augusta et le Turc. Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius, in: *Revue Numismatique*. 1995. P. 113–126.

⁷⁷ La Vassière de E. Note sur la chronologie du voyage de Xuanzang, in: *Journal Asiatique*. 2010. 298 (1). P. 157–168.

⁷⁸ La Vassière, de, E. Ziebel Qaghan identified: Constructing the Seventh Century / Ed. by C. Zuckerman. Paris, 2013. P. 741–748; La Vassière, de, E. Oncles et frères. P. 267–278.

известен Мовсесу Каганкатваци, а Сумбат Давитис-дзе повторил в XI в. сообщение Мовсеса. Этим обстоятельством и объясняется близость информации этих историков. С другой стороны, побратимство (а не усыновление) Ираклия и «Тюрка», обручение Августы Епифании с «Тюрком», описанные в источнике Никифора, но не упомянутые Феофаном, были действиями вполне целесообразными для укрепления союза, на который сильно рассчитывал император Ираклий, особенно после своего фиаско на переговорах с Аварским каганом. Следовательно, отождествление Ζιέβηλ и жениха Августы Епифании при всей его поверхностной соблазнительности достаточно проблематично.

Во-вторых, реальность обручения Августы Епифании с «Тюрком» можно допустить только в том случае, если «Тюрк» был христианином. Обручение рассматривалось в византийском праве как акт, равносильный браку, поэтому совершение обручения было возможно только при условии принятия женихом христианства. Через 70 лет после событий, описанных Никифором, потомок Ираклия, император Юстиниан II Ринотмет, скрывавшийся от своих врагов в степях Северного Причерноморья, около 700 г. женился в Фанагории на сестре хазарского кагана Ибузира Глявана, которая приняла христианство с именем Феодора и впоследствии стала императрицей⁷⁹. В 732 г. император Лев III Исавр (717–741) устроил брак своего сына, императора Константина V Копронима (741–775) с хазарской княжной Чичак, сестрой (или дочерью) кагана Вирхора⁸⁰. Чичак приняла крещение с именем Ирина и получила прекрасное богословское образование⁸¹. В старой исследовательской

⁷⁹ Theophanis Chronographia. P. 372. 31–373. 4; Head, C. Justinian II of Byzantium. Madison; Milwaukee; London: The University of Wisconsin Press, 1972. P. 99–107.

⁸⁰ Theophanis Chronographia. P. 409. 30–410. 3; Nikephoros, Patriarch of Constantinople. P. 130. 1–4.

⁸¹ Пауль Шпек полагал, с нашей точки зрения без должных оснований, что информация Феофана о богословском образовании «хазарской» императрицы Чичак-Ирины является элементом антииконоборческой пропаганды времен императрицы Ирины (780–802), защитницы икон. Хазарская княжна, язычница, принявшая крещение и ставшая императрицей, превосходила в богословских познаниях своего мужа, римско-го императора Константина V Копронима! См.: Speck, P. Kaiser Leon III.,

литературе высказывалось любопытное мнение, что Чичак владела древнееврейским языком. Подобное мнение было связано с историей обращения хазарских каганов в иудаизм, которая, впрочем, произошла позднее (943–944 гг.)⁸². «Хазарская» императрица стала также известна при дворе благодаря своей национальной одежде (шароварам), экзотической для римлян⁸³. Спустя много веков после Ираклия, император Василий II (976–1025) поставил условие принять христианство норманнскому конунгу Вальдамару Свейнальдсону (978/980–1015), в более поздней летописной традиции известному под именем Владимира Святого, для заключения брака с сестрой императора Анной⁸⁴. Неизменность традиций двора Восточной Римской империи свидетельствует о том, что жених Августы Епифании, не одной из многих императорских дочек, а коронованной в 612 г. римской императрицы, не мог оставаться язычником и в качестве *conditio sine qua non* должен был принять крещение, причем, разумеется, крещение от православного, т. е. халкидонского епископа или пресвитера.

Однако в повествовании Никифора нет никаких указаний на крещение жениха ни в полевых условиях под Тбилиси, ни позже. Подобное крещение должно было бы рассматриваться Ираклием как событие чрезвычайной важности и непременно отразилось бы в протоколах императорского двора, а, следовательно, в источнике Никифора и позднее в сочинениях Константина VII Багрянородного (911–959). Следовательно, жених Августы Епифании уже был христианином ко времени обручения с ней, причем, вероятно,

Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis. Т. III. Απόστασις Ρώμης καὶ Ἰταλίας und Liber Pontificalis, Ποικίλα Βυζαντινά 20. Bonn, 2003. S. 513.

⁸² Абдулпатахова, Х. М. К вопросу о распространении иудаизма в Хазарии, В кн.: Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 80. С. 13–16.

⁸³ Моравчик, Ю. Происхождение слова TZITZAKION, in: *Seminarium Kondakovianum*. 1931. Т. IV. С. 69–76.

⁸⁴ Georgii Cedreni Ioannis Scylitzae ope suppletus et emendates / Ed. I. von Bekker. Bonn, 1839. Vol. II. P. 444; Ioannis Zonarae Annaleser / Ed. von Pinder Vol. III. Bonn, 1897. P. 552–553; Michel Psellos. Chronographie. Par Emile Renauld, Paris. 1926. Т. I., P. 9; Михаил Пселл. Хронография / Пер. и коммент. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 10.

на протяжении длительного времени, чем и объясняется молчание Никифора на сей счет.

Китайские источники сообщают нам, что между 629 и 631/632 гг., т. е. вскоре после похода тюркского войска на Кавказ (627) и встречи с Ираклием, дядя Тун Джабгу, Сипи каган, принимал в своей ставке в Суябе (Ордукуент) буддистского монаха и паломника Сюань-цзана (602–664), известного как «Таинственный толстяк»⁸⁵, а также сватался к китайской принцессе из династии Тан⁸⁶. Этьен де ля Вассьер не замечает, что подобная «многовекторная» религиозно-семейная стратегия вряд ли могла быть приемлема для правителя-христианина и жениха римской Августы⁸⁷. Если, конечно, он не собирался расторгнуть помолвку, что сомнительно, ибо Августа Епифания выехала к тюркам и повернула назад только тогда, когда узнала о гибели жениха. Благодаря археологическим исследованиям известно, что в Суябе в период VII–VIII вв. существовали несторианская община, а также манихейская община⁸⁸. Подобное обстоятельство вполне согласуется с прокитайской ориентацией Сипи. Но представляется совершенно невозможным, чтобы каган, покровительствовавший несторианам и манихеям, придерживался халкидонского исповедания и был женихом римской Августы. На основании этих наблюдений мы можем сделать вывод о том, что Сипи не мог быть христианином-халкидонитом. Следовательно, он не мог претендовать на руку и сердце Августы Епифании.

⁸⁵ Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си ю цзи) / Пер. коммент. Н. В. Александровой. М., 2010. С. 40.

⁸⁶ La Vassière, de, E. Note sur la chronologie du voyage de Xuanzang, in: *Journal Asiatique*. 2010. 298 (1). P. 157–168; La Vassière, de, E. Ziebel Qaghan identified, in: *Constructing the Seventh Century* / Ed. by C. Zuckerman. Paris. 2013. P. 744; Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. С. 284–285.

⁸⁷ Договор Юстиниана I с сабирской (сяньбийской) царицей Боа против персов и христианизация приазовских гуннов в 527 г. свидетельствует о том, что христианизация рассматривалась византийской дипломатией как средство для достижения долговременного политического союза.

⁸⁸ Кызласов, Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу, В кн.: *Вестн. Москов. ун-та*. Серия 8: История. 2006. № 2. С. 138–150; Кызласов, Л. Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: История и археологические исследования. М., 2006. С. 219–346.

Кем же был этот таинственный жених-христианин? Для ответа на данный вопрос нам следует обратиться к более раннему известию Никифора. Никифор в сообщении, которое можно датировать примерно 619/620 г., рассказывает, что в Константинополь прибыл некий государь гуннов (ὁ τῶν Οὐννων κύριος) вместе со своими «архонтами» и «дорифорами», т. е. вместе с дружиной⁸⁹. Он попросил Ираклия окрестить его, что и было сделано. Причем римские сенаторы были восприемниками гуннских «архонтов», т. е. дружинников хана, а жены сенаторов были восприемницами гуннских женщин. Ираклий одарил хана подарками, даровал ему титул патриция и отпустил его восвояси. И. С. Чичуров указывал, что титул κύριος часто использовался Никифором и Феофаном для обозначения болгарских ханов. Ссылаясь на мнение В. Златарского, исследователь отмечал, что в научной литературе давно предпринимались попытки отождествления гуннского хана, упомянутого Никифором, с болгарским ханом Кубратом⁹⁰. Как повествует коптский епископ Иоанн Никиусский, хроника которого сохранилась в древнеэфиопском переводе, племянник Органа Кубрат провел юные годы в Константинополе в качестве заложника, принял христианство, был фаворитом Ираклия, а в трагическом 641 г. стал главным сторонником императрицы Мартины и ее сыновей, что, впрочем, не спасло Мартину от свержения⁹¹. Иоанн Никиусский называет Кубрата предводителем гуннов, в то время как в дальнейшем изложении Никифора Кубрат назван господином оногундуrow болгар, а у Феофана царем гуннов оногундуrow. Кем были оногундуры? Питер Голден полагает, что эти кочевники были потомками племен, упомянутых Приском Панийским в рассказе о событиях 463 г.⁹². Оногундуры представляли собой потомков поздней волны переселения гуннских племен, говорили на наиболее древних огурских языках тюркской группы и, возможно, приняли участие в этногенезе болгар и чувашей.

⁸⁹ Nikephoros, Patriarch of Constantinople. P. 48–50.

⁹⁰ Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения... С. 168–169.

⁹¹ Zotenberg, H. Th. Chronique de Jean, Évêque de Nikiou. Texte Éthiopien publié et traduit. Paris, 1883. P. 460.

⁹² Golden, P. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992. P. 100–104.

В историографии предпринимались попытки отождествления дяди Кубрата, Органа, с уже известным нам Западно-Тюркским правителем Сипи каганом⁹³, которого Этьен де Ля Вассьер предлагает в качестве жениха Августы Епифании. Отождествление Органа с Сипи представляется нам вполне возможным, однако, как уже было отмечено, Сипи не был христианином-халкидонитом и в силу данного обстоятельства не мог претендовать на руку Августы Епифании. Быть может, таинственным женихом каганом был христианин Кубрат, находившийся в 627 г. в войске Ираклия? Подобное предположение не состоятельно, так как согласно Никифору, жених Епифании погиб во время ее путешествия к тюркам, т. е. после 629/630 г. Кроме того, Никифор определенно пишет о женихе как о «тюркском государе», а не о «гуннском государе», ибо источник Никифора, по-видимому, четко различал онугунду-ров/булгар и тюрков. Кем же были загадочные гунны, принявшие крещение в Константинополе?

Вероятнее всего, в 619/620 г. приняла крещение некая группа гуннов, исторически уже знакомых с христианством. Не исключено, что эти крещеные гунны получили от Ираклия священников для дальнейшего развития миссии в степях Предкавказья, так как Ираклий мог рассматривать этот регион как стратегически важный в свете будущего похода в Персию. Выше мы отмечали, что еще Юстиниан I в 527 г. заключил договор с царицей гуннов-сабиров Боа и предпринял попытку христианизации гуннов Приазовья. Попытаемся подробнее рассмотреть этот важный эпизод, который поможет нам найти ответ на поставленные вопросы.

Византийский хронист Иоанн Малала в своей знаменитой «Хронографии» отметил одно весьма интересное событие, датированное годом воцарения императора Юстиниана I (527–565). Малала был сирийцем, писал по-гречески и стремился вслед за Евсевием дать читателю целостное христианское представление о всемирной истории и географии. С этой точки зрения не удивительно, что внимание Малалы привлек эпизод, вероятно, заимствованный им из официальных источников Константинопольского

⁹³ *Sophoulis, P. Byzantium and Bulgaria, 775–831. Leiden; Boston, 2012. P. 92, 147–148.*

происхождения, представлявших собой выдержки из дипломатических документов. Малала сообщает⁹⁴, что в 527/528 г., т. е. в год восшествия Юстиниана на римский престол, царица гуннов Боа (Βῶα ῥήγισσα), вдова гуннского царя Блаха (Βλάχ)⁹⁵, имевшая от него двух сыновей, после смерти мужа управляла сотысячной ордой гуннов-сабиров. Юстиниан подарил гуннской царице много одежды из императорского гардероба, серебряной посуды, вероятно, знаменитых миссориев, немало денег и натравил ее на двух гуннских предводителей — Тюрангса (Τύρανγξ) и Глома (Γλῶμ), которые заключили союз с персидским шахом Кавадом (488–496, 499–531). Царица во главе дружины настигла двадцатитысячное войско Тюрангса и Глома, направлявшееся к Каваду в Персию, и наголову его разгромила. Тюрангс был взят в плен и отправлен Боа в подарок Юстиниану, который приказал повесить пленника на левом берегу Золотого Рога возле церкви святого Конона, а Глом пал в бою.

Возможно, результатом этой операции стали следующие события, описанные Малалой ниже⁹⁶. В том же году Грод (Γρῶδ), вождь гуннов, обитавших в районе Боспора, прибыл в Константинополь и принял там крещение. Причем восприемником новокрещенного был сам император, который щедро одарил гуннского вождя и повелел ему охранять Боспор и римскую границу в степном Крыму. Грод вернулся в приазовские степи и убедил своего брата Мугела (Μοῦγελ) также перейти в христианство. Малала бесхитростно раскрывает мотивы подобного обращения гуннских вождей: братья приказали переплавить гуннских идолов из серебра и электра для последующего обмена этих драгоценных металлов на милиарисии на рынке Боспора. Гуннские языческие «иереи» пришли в ярость и убили Грода, сделав брата его преемником. Затем они захватили Боспор и перебили местный римский гарнизон. Узнав об этих событиях, Юстиниан сконцентрировал в Иероне на берегу Босфорского пролива эскадру, которая состояла из кораблей, перевозивших готских солдат во главе с почетным консулом

⁹⁴ Ioan. Mal. XVIII. 13.

⁹⁵ *Martindale, J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III A: AD 527–641. Cambridge, 1992. P. 234.

⁹⁶ Ioan. Mal. XVIII. 14.

Иоанном⁹⁷, получившим должность комита проливов. Затем он, вероятно, усилил эту эскадру и отправил всю экспедицию в Крым во главе с экзархом по морю, в то время как по суше на Боспор начала наступление армия под командованием Бадуария. В итоге гунны оставили Боспор и бежали в степи. Рассказывая об этом эпизоде, Малала включает в повествование историю основания Боспора, возможно, заимствованную из местных Боспорских хроник, согласно которой основателем города был Геракл, прибывший из Испании вместе с отрядом испанских воинов и обязавший жителей платить римлянам дань быками. Как тут не вспомнить о традиции корриды, которая, вероятно, существовала в Испании еще во времена кельтиберийцев? Рассказ Малалы повторяется в последующей традиции: в сохранившейся благодаря древнеэфиопскому переводу хронике коптского епископа Иоанна Никиусского, у Феофана и у позднего хрониста Георгия Кедрина⁹⁸.

Чем же была примечательна гуннская царица Боа? Иоанн Никиусский добавляет к рассказу Малалы некоторые романтические подробности. В частности, коптский епископ пишет, что не Юстиниан подкупил гуннскую царицу, а сама Боа (Wārāks) отправилась в Константинополь и привезла императору богатые подарки: золото, серебро и драгоценные камни, после чего получила приказ атаковать своих соседей, ставших персидскими союзниками. Боа таким образом изображается данником и федератом Империи, что, конечно же, не соответствовало действительности. Затем Иоанн Никиусский со свойственной ему кровожадностью описывает казнь пленного гуннского вождя Тирангса, утверждая, что он был не просто повешен, а привязан к виселице и распят по приказу Юстиниана. Феофан уточняет рассказ Малалы, указывая на то, что Боа уничтожила отряд Тюрангса и Глома, когда они направлялись к Каваду «через ее владения». В связи с этим логично предположить, что Боа контролировала степи в предгорьях Северного Кавказа, точнее

⁹⁷ *Martindale, J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire... Vol. III A. P. 625–626.

⁹⁸ *Zotenberg, H. Th.* Chronique de Jean, Évêque de Nikiou. Texte Éthiopien publié et traduit. Paris, 1883. P. 390. (Ioan. Nic. 90. 61–5); Theophanis Chronographia. P. 175. 12–23; Georgii Cedreni Ioannis Scylitzae ope suppletus et emendatus / Hrsg. von I. Bekker. Bonn, 1839. Vol. I. P. 644. 1–12.

долину Терека и Ногайскую степь, ибо именно через эти территории пролегал путь к Дербентскому проходу — наиболее удобной дороге в Персию, лежавшей между Каспийским морем и Кавказскими горами. Дарьяльское ущелье, вероятно, было для Тюрангса и Глома не доступно, ибо охранялось аланами — союзниками Восточной Римской империи. Подобная локализация «владений», а лучше сказать, кочевий Боа совпадает с тем, что нам известно о расселении гуннов-сабиров из других источников.

Малала в сообщении за 515 г. поместил известие о том, что сабиры прошли через Каспийские врата, т. е. Дербентский проход, и прошли вплоть до Каппадокии, разоряя все на своем пути⁹⁹. Сведения об этом походе сабиров содержатся также у Феофана в сообщении за 516/517 г., который уточняет сообщение Малалы и пишет, что сабиры прошли через Каспийские врата, т. е. Дербентский проход, вторглись в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию и Понт и дошли до Евхаиты¹⁰⁰. Правительство одряхлевшего императора Анастасия (491–518) не могло им никоим образом воспрепятствовать. Следовательно, степи Западного Прикаспия и Дербентский проход были хорошо известны сабирам уже за 10 лет до воцарения Юстиниана и описываемых событий. Римский историк V в. и известный дипломат Приск Панийский, отмечал, что в 463 г. сабиры, изгнанные аварами, захватили степные территории племен сарагуров, урогов и оногуров — кочевых племен, возможно, входивших в сферу влияния державы Аттилы¹⁰¹. Замечание Приска имеет важное значение для определения этнического происхождения гуннов-сабиров, так как конфликт сабиров с аварами заставляет нас перенестись из Предкавказья в далекую Монголию, о чем еще будет сказано. Бегство сабиров от аваров, захват сабирами владений сарагуров, урогов и оногуров с большой вероятностью указывает на маршрут сабирской миграции — из Монголии через Южную Сибирь на Нижнюю Волгу, откуда они могли легко добраться до степей Предкавказья. Современник Малалы и описанных им событий, Прокопий Кесарийский, определенно указывает на район Терека,

⁹⁹ Ioan. Mal. XVI. 17.

¹⁰⁰ Theophanis Chronographia. P. 161. 28–30.

¹⁰¹ Prisc. Pan. HG. 30.

Ногайской степи и Западного Прикаспия как на территорию расселения сабиров в эпоху Юстиниана I¹⁰². Из сообщения Прокопия нам известно также, что некоторые соплеменники царицы Боа не подчинились ей и все-таки смогли добраться до Персии. В 530 г. армия персидского военачальника Мер-Мерое¹⁰³, разгромленная римлянами в конном сражении под Саталой, насчитывала в своем составе не только персов и армян, но также три тысячи сабиров, которые, по словам Прокопия, принадлежали к «воинственнейшему племени»¹⁰⁴.

Исследование этимологии имени царицы Боа и других известных из византийских источников сабирских имен не приносит значительных результатов. Научная полемика, связанная с поиском подобных этимологий, подробно рассматривалась И. С. Чичуровым в комментариях к «Хронографии» Феофана¹⁰⁵. Отметим важнейшие этапы этой полемики. Отто Менхен-Хельфен отмечал, что имя Боа представляет собой сокращение имени Боарекс (Βωαρῆξ), которое приводится Феофаном¹⁰⁶. Ученый подвергал критике гипотезу Дениса Синора, который предлагал искать германское, точнее готское, происхождение имени гуннской царицы на основании соотнесения ϱῆξ = *reiks*, войсковой король у готов¹⁰⁷. С точки зрения исследователя этимология имени Боарекс не выявлена¹⁰⁸. Франц Альтхейм утверждал, что этимология имени царицы восстанавливается на основании древнеэфиопской (геэз) формы *Wārāks* из «хроники» Иоанна Никиусского, происходит из среднеперсидского языка и представляет собой форму *Varahrān*, *Bahrām* с суффиксом *k*¹⁰⁹ (= др.-перс. *Vrθragna*,

¹⁰² Procopius. BP II. 29, 15; BG IV. 3.

¹⁰³ *Martindale, J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire... Vol. III B. P. 884–885.

¹⁰⁴ Procopius. BP I. 15.

¹⁰⁵ *Чичуров, И. С.* Византийские исторические сочинения... С. 77–79.

¹⁰⁶ *Menchen-Helfen, O.* The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1973. P. 414.

¹⁰⁷ *Sinor, D.* Autour d'une migration de peuples au Ve siècle, in: *Extrait du Journal asiatique (1946–1947)*. Paris, 1948. P. 25–29.

¹⁰⁸ *Menchen-Helfen, O.* 1973. P. 442.

¹⁰⁹ *Altheim, F.* Geschichte der Hunnen. Band II: Hephthaliten in Iran. Berlin, 1969. S. 38.

авест. Vəgəθrauna — «разбивающий препятствие»). Однако Отто Менхен-Хельфен считал искажением именно древнеэфиопскую форму Wāgāks. Дьюла Моравчик высказал мнение о тюркском происхождении имени Боарекс от древнетюркского *Bo-ariq* точно также, как и о происхождении имени ее мужа Блаха от древнетюркского *Balaq/Malaq*¹¹⁰. И. С. Чичуров склонялся к гипотезе Дьюлы Моравчика о тюркском происхождении имени Боарекс, ссылаясь на замечание Иоанна Никиусского о том, что имя гуннской царицы признается «варварским», а персы в VI–VII вв. варварами уже не считались. И. С. Чичуров высказывает мнение о возможной связи имени царицы Боарекс с названием реки Боас, которая протекала согласно Прокопию Кесарийскому возле Цанских гор и в долине которой кочевали сабиры¹¹¹. Тюркское происхождение некоторых других сабирских имен засвидетельствовано Отто Менхен-Хельфеном, например, тюркское происхождение имени Tliyer, приведенного Агафием Миринейским в рассказе о боях за Археополь¹¹². Имя вождя приазовских гуннов Μοῦγελ (=Μουάγερς) провоцировало дискуссии между сторонниками древнемадьярского происхождения этого имени и его алтайского происхождения¹¹³.

Нам представляется очевидным, что форма Βωαρήξ является неудачной «контракцией», т. е. в данном случае сокращением словосочетания Малалы «Βῶα ῥήγισσα» в неизвестных источниках Феофана, о существовании которых высказывал предположение И. С. Чичуров¹¹⁴. Исходя из гипотезы Пауля Шпека, таким источником мог быть Георгий Синкелл¹¹⁵. Необходимо учитывать, что возможное тюркское, согдийское, среднеперсидское, угорское или алтайское происхождение тех или иных сабирских имен никоим образом не является доказательством этнического происхождения самих сабиров. Ибо недошедший до нас источник Малалы

¹¹⁰ *Morawcsik, G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. В. II. S. 85–86, 108.*

¹¹¹ Procopius. ВР II. 29. 14–15; *Чичуров, И.С. Византийские исторические сочинения... С. 77–78.*

¹¹² Agath. III, 17; *Menchen-Helfen, O. 1973. P. 409.*

¹¹³ *Menchen-Helfen, O. 1973. P. 418.*

¹¹⁴ *Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения... С. 79.*

¹¹⁵ *Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. III. Die Απόστασις Ρώμης καὶ Ἰταλίας und Liber Pontificalis, Ποικίλα Βυζαντινά 20. Bonn, 2003. S. 513–514.*

приводил как сабирские имена, так и имена прочих варваров, опираясь на то, как звучали эти имена на *lingua franca* кочевников степей Северного Причерноморья. Подобными *lingua franca* в первой половине VI в. могли быть как тюркские (огурские), так и восточно-иранские (аланский, согдийский) языки. Их употребление кочевниками в межэтническом общении никоим образом не мешало сабирской аристократии сохранять свой племенной язык, который, вероятнее всего, не был известен источнику Малалы. Например, Е. А. Хелимский доказал, что несколько позднее авары, захватившие Паннонскую равнину во второй половине VI в., принесли с собой тунгусо-маньчжурский язык, несмотря на то, что основная масса их подданных разговаривала на тюркских (огурских) и славянских языках¹¹⁶.

В настоящее время предположения о тюркском или согдийском происхождении этнонима сабиров (Σάβιροι), рассмотренные в цитированной выше работе Отто Менхен-Хельфена¹¹⁷, решительно отвергнуты¹¹⁸. Проблема этнического происхождения сабиров после длительной полемики была успешно разрешена благодаря исследованиям синологов и тюркологов Поля Пеллио, Омельяна Прицака, Эдвина Джорджа Паллейблэнка и Питера Голдена¹¹⁹. Эти востоковеды доказали, что сабиры представляли

¹¹⁶ Хелимский, Е. А. Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология: матер. к докл. на XIII Междунар. съезде славистов, Любляна, 15–21 авг. 2003 г. Гамбург, 2003. С. 3–12.

¹¹⁷ Menchen-Helfen, O. 1973. P. 440.

¹¹⁸ В ранних работах Питер Голден констатировал неясность этнического происхождения сабиров, указывая на бассейн Нижней Волги как на регион их активного распространения. См.: Golden, P. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992. P. 104–106. В более поздних работах исследователь склоняется к саянско-сибирскому происхождению сабиров.

¹¹⁹ Pelliot, P. Tokharien et Koutchéen, in: *Journal Asiatique*. I. Paris, 1934. P. 23–106; Pritsak, O. From the Sábirs to the Hungarians, in: *Hungaro-Turcica: Studies in honor of Jilian Németh*. Budapest, 1976. P. 17–30; Pulleyblank Edwin, G. Tribal Confederations of Uncertain Identity. The Hsiung-nu, in: *Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta (=Philologiae Turcicae Fundamenta III)* / ed. by H. R. Roemer. Berlin, 2000. P. 52–101; Golden, P. The Stateless Nomads of Early Medieval Central Eurasia, В кн.: *Материалы по археологии, истории и этно-*

собой ветвь сяньбийцев, могущественного протомонгольского племени. В древности сяньбийцы одержали победу над хунну, а затем стали основателями Империи Северная Вэй в Китае (386–535) и Рураньского каганата в Монголии (330–555). С этой точки зрения сообщение Приска Панийского о том, что сабиры воевали с аvaraми, находит подтверждение. Сяньбийцы и рурань действительно боролись за власть в каганате. Сообщение Приска отражает реалии межплеменной борьбы в Рураньском каганате, выходцами из которого были не только сабиры, но и их враги аvaraы, вторгшиеся в Восточную Европу позднее, в последние годы царствования Юстиниана I. Если Л. Н. Гумилев на основании сообщений секретаря императора Иракия (610–641), Феофилакта Симокатты, вслед за М. И. Артамоновым утверждал, что аvaraы, создавшие каганат в Европе, были «псевдоаvaraми» вархонитами¹²⁰ и к монголам отношения не имели, то современные специалисты по истории кочевников евразийских степей, в частности С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов и Питер Голден¹²¹, полагают, что аvaraы — создатели Аварского каганата были выходцами из Рураньского каганата и отступили на Запад после падения каганата под ударами тюрков Ашина. Если аvaraы, изгнавшие сабиров, были монгольским или даже тунгусо-маньчжурским племенем, в таком случае происхождение сабиров следует также искать не среди угорских племен Урала, а именно в Монголии. Исследования лингвистов подтверждают правильность этой гипотезы и свидетельствуют о происхождении византийского этнонима Σάβιροι = * Sabir от китайского Xiānbēi 鮮卑.

Сяньбийская археология хорошо изучена, в частности, известно, что сяньбийские кавалеристы, обладавшие в IV–V вв. сложным комплексом оборонительного и наступательного вооружения¹²², стали массово применять металлическое стремя, что

графии Таврии XX. 2015. Вып. 20. Р. 333–368 (sic Р. 346–349).

¹²⁰ Гумилев, Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности, В кн.: *Византийский современник*. Т. XXVI. М., 1965. С. 67–76.

¹²¹ Кляшторный, С. Г., Савинов, Д. Г. Степные империи древней передней Азии. СПб., 2005. С. 44–48; Golden, P. Some notes on the Avars and Rouran, in: *The Steppe Lands and the World beyond them: Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday*. Iasi, 2013. Р. 43–66.

¹²² Худяков, Ю. С., Скобелева, С. Г. (ред.) Военное дело номадов Централь-

позволяло сяньбийской коннице на протяжении нескольких веков одерживать победы над кочевыми племенами Южной Сибири и успешно противостоять римской армии в начале VI в. Вероятно, металлическое стремя было заимствовано армией Восточной Римской империей не у аваров, а именно у сяньбийцев/сабириков еще до аварского вторжения. Ибо самые ранние находки металлических стремей на Балканском полуострове датируются второй четвертью VI в., т. е. эпохой Юстиниана I, но при этом они датируются периодом, предшествующим появлению в регионе аваров¹²³. Прокопий Кесарийский сообщает, что во время войны между Юстинианом I и Хосровом I Ануширваном (531–579) за Лазику, в 550 г., сабиры воевали как на стороне римлян, так и на стороне персов. Царь Лазики Губаз¹²⁴, союзник Юстиниана, заключил договор с аланами и сабирами и просил Юстиниана прислать сумму в размере трех кентинариев для уплаты новым союзникам, которые обязались не только оборонять Лазику, но также опустошить Иверию, дабы лишить снабжения персидскую армию¹²⁵. Когда римляне осаждали персидскую крепость Петру, сабиры строили для римлян осадные машины, например, переносные тараны. Позднее, весной 551 г., персидский военачальник Мер-Мерое приказал сабирам, которые оказались на персидской стороне, построить аналогичные переносные тараны для штурма римской крепости Археополь¹²⁶. Рассказ Прокопия является еще одним свидетельством в пользу сяньбийского происхождения сабириков. Довольно трудно предста-

ной Азии в сяньбийскую эпоху: сб. научн. тр. Новосибирск, 2005. С. 7–224; Müller, S. Horses of the Xianbei, 300–600 AD: A Brief Survey, in: *Pferde in Asien: Geschichte, Handel und Kultur = Horses in Asia: History, Trade and Culture* / Ed. by B. G. Fagner, R. Kauz, R. Ptok, A. Schottenhammel. 2009. P. 181–193, 284–288; Hayashi, T. Agriculture and Fortification of the Xianbei and the Rouran, В кн.: *Культурно-исторические процессы в Центральной Азии (древность и средневековье)*. In memoriam Yuri Zuev. Алма-Ата: ТОО, 2012. С. 158–167.

¹²³ Шувалов, П. В. Два железных стремени, В кн.: *ΚΟΙΝΟΝ ΔΩΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В. П. Никонорова от друзей и коллег*. СПб., 2014. С. 568–576.

¹²⁴ Martindale, J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire... Vol. III A. P. 559–560.

¹²⁵ Procopius BP II. 29. 29.

¹²⁶ Procopius BG. IV. 14. 4–5.

вить, чтобы римские солдаты (!) учились искусству полиоркетики у угорских или огурских племен, пришедших с Урала и никогда не осаждавших никаких серьезных форпостов. В тоже время сяньбийцы, управлявшие северным Китаем уже на протяжении почти двух веков, в совершенстве владели инженерными принципами китайской полиоркетики. Поэтому римское командование, а затем и персы могли прибегать к их помощи для сооружения легких осадных машин китайского образца. То обстоятельство, что приазовские гунны-язычники, по словам Малалы, так легко захватили хорошо укрепленный Боспор и перебили там римский гарнизон, также свидетельствует в пользу высокой боеспособности кочевников северного Причерноморья во второй четверти VI в., что можно объяснить сяньбийским влиянием.

В связи с этим первые внешнеполитические шаги Юстиниана I находят элементарное объяснение. В 527/528 г. Юстиниан подкупил сяньбийскую царицу Боа и использовал ее дружину в борьбе против тех гуннов северного Причерноморья, которые встали на сторону персов в только что начавшемся военном конфликте. Христианизация приазовских гуннов, а не сяньбийцев царицы Боа, могла рассматриваться Юстинианом как инструмент военно-политической интеграции кочевников в Империю. При проведении этой христианизации Юстиниан мог опираться на военный потенциал сяньбийской царицы, заключившей союз с Империей. Союз римлян с сяньбийской царицей, а вовсе не алчность гуннских вождей Приазовья, могли стать решающим аргументом в пользу начавшейся христианизации гуннов в этом регионе в первые годы правления Юстиниана, которая столь ярко описана Малалой. Примечательно, что Малала упоминает неких идолов из серебра и электра, которые были переплавлены гуннскими вождями христианами для проведения финансовых операций на Боспорском рынке. Переплавка этих идолов спровоцировала гнев языческих «иереев», переворот в кочевьях приазовских гуннов и последующее нападение гуннов на Боспор. Известно, что хунну времен шаньюев, также как и гунны в эпоху Аттилы, исповедовали тенгрианство, культ Неба, который позднее существовал в Тюркском каганате и дожил у монголов до эпохи Чингисхана. Культ Тенгри не требовал почитания идолов из серебра и электра. Упоминание

в источниках Малалы идолов из серебра и электра, которые были объектом поклонения у приазовских гуннов, свидетельствует о том, что эти гунны, так же как и подданные царицы Боа, были сяньбийцами, а идолы из серебра и электра были статуями Будды. Ибо сяньбийцы, основавшие династию Северная Вэй в Китае, восприняли буддизм у покоренного населения. Всемирно известные гигантские статуи Будды и фрески в пещерных гротах Юньгана (雲崗石窟), возведенные, начиная с эпохи правления сяньбийского императора Тоба Цзюнь (拓拔濬, 440–465), а также золотые и серебряные статуи Будды эпохи Северная Вэй стали символом буддистского искусства этого воинственного народа¹²⁷. Гуннские «иереи», поднявшие мятеж против своего обратившегося в христианство вождя, в действительности являлись буддистскими монахами, обитавшими в ставке сяньбийского хана. Имперская традиция сяньбийской культуры способствовала проникновению буддизма в те регионы, куда приходили сяньбийцы со своими кочевьями.

Малала характеризует сяньбийскую царицу Боа как «мощью и разумом подобную мужу» (ἀνδρεία καὶ πλήθει καὶ φρονήσει). Эта характеристика повторяется Иоанном Никиусским, который называет царицу преисполненной «великой премудрости». Можно допустить, что подобное описание Боа было связано с тем, что сяньбийская царица подобно многим правительницам кочевников евразийских степей прекрасно владела боевым конем и руководила своей дружиной на поле боя¹²⁸. Феофан в своем рассказе о Боа идет еще дальше и пишет, что царица не только разгромила персидских союзников, но и убила (ἐν τῷ πολέμῳ ἔσφαξεν) одного из их вождей Глома, т. е. дает возможность читателю допустить, что между Боа и Гломом произошел поединок. Не исключено, что Феофан оказался в плену мифологических представлений об амазонках,

¹²⁷ *Shifeng, Z., Shaotang, Ch.* China mit allen Provinzen, Tibet und der Inneren Mongolei. Luzern, 1980. P. 72; *Watt James, C. Y.* China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD. Comp. An Jiayao, Angela F. Howard, Boris I. Marshak, S. Bai, and Zh. Feng. New York, 2004. P. 166–170.

¹²⁸ *Худяков, Ю. С.* Женщины-воины у народов Сибири и Центральной Азии в древности и средние века, В кн.: *Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История. Филология.* 2017. С. 80–88; *Hinsh, B.* Women in Early Medieval China. Lanham; Boulder; New York; London, 2019. P. 89–105.

которые повлияли на историю Томирис Геродота. Рассказ Малалы представляет собой несравненно более беспристрастное историческое повествование, которое оставляет вопрос о степени и формах личного участия Боа в боевых действиях на усмотрение читателя. Очевидно, если Боа сама командовала дружиной и руководила нападением на персидских союзников, как утверждает Малала, то ее личное участие в боевых действиях было необходимым условием успеха всего предприятия. Вместе с тем, характеристика царицы Боа заставляет предположить, что непосредственным источником Малалы были все-таки не дипломатические протоколы, к которым хронист вряд ли имел доступ, даже проживая в Константинополе, а созданное на основе этих протоколов литературное произведение, посвященное началу царствования Юстиниана. Автором этого произведения мог быть выходец из Боспора, знакомый с местной литературной традицией, из которой в свое время черпали сведения и анекдоты о кочевниках Лукиан и Полиен. Описание сяньбийской царицы Боа в изложении источника Малалы сильно напоминает описания сарматской царицы Амаги и меотской царицы Тиргатао, зафиксированные в боспорских хрониках на исходе эпохи эллинизма и пересказанные в эпоху императора Марка Аврелия (161–180) писателем Полиеном. Особенно очевидны параллели между образом Боа и образом Амаги¹²⁹.

Историческое значение союза, заключенного Юстинианом и сяньбийской царицей Боа в 527/528 г., заключалось в том, что сяньбийцы, до этого момента враждебные Восточной Римской империи, на протяжении последующих десятилетий оказались активно вовлечены в борьбу между Империей и Сасанидской Персией преимущественно на стороне римлян. Благодаря дипломатическим усилиям Юстиниана произошел раскол между царицей Боа и другими сяньбийскими ханами, которые придерживались проперсидской ориентации. Попытка христианизации сяньбийцев, предпринятая Юстинианом, очевидно, успеха не имела¹³⁰ и натолкнулась на сопротивление языческих «иереев», т. е. буддистских монахов. Сообщение о крещении гуннских вождей: Грода и его

¹²⁹ Polyen. Strat. VIII, 56; *Ростовцев, М. И.* Амага и Тиргатао, В кн.: *Bibliotheca Chersonessitana*. Т. 32. Одесса. 1915. С. 58.

¹³⁰ *Болгов, Н. Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 103.

брата Мугеля, которое произошло одновременно или вскоре после договора Юстиниана с Боа, вынуждает поставить вопрос о возможном участии в этой миссии жены Юстиниана, императрицы Феодоры (490–548). Сирийский историк Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории» сообщает о том, что позднее Феодора была инициатором крещения нубийцев и принимала в организации нубийской миссии самое активное участие¹³¹. Сведения Иоанна Эфесского, как в кривом зеркале, отражаются в ряде эпизодов из биографии Феодоры, рассказанных Прокопием, который шаржировано изобразил императрицу в образе *femme fatale*, распутной красавицы, фактически управлявшей внешней политикой Империи вместо Юстиниана¹³². Даже если Прокопий был склонен преувеличивать влияние Феодоры в истории устранения готской королевы Амаласунты, тем не менее, активное участие Феодоры во внешнеполитических предприятиях Юстиниана является непреложным фактом. Это обстоятельство дает нам основания предполагать, что, во-первых, быстрое крещение гуннских вождей Грода и Мугеля было организовано при участии Феодоры, а, во-вторых, Феодора могла от имени Юстиниана вести переговоры с царицей Боа. Кто, как ни Феодора, острее чувствовал женским сердцем, каким образом склонить Боа к союзу с Империей, какие подарки тронут сердце сянбийской царицы и направят ее против соплеменников Тюрангса и Глома?

Последствия дипломатических и культурных контактов между Восточной Римской империей и сянбийцами, заложенных при Юстиниане, проявились столетие спустя. Учитывая активный характер дипломатии Юстиниана I и Феодоры в сабирских (сянбийских) степях Предкавказья, мы можем допустить, что влияние Восточной Римской империи в этом регионе претерпело лишь временное ослабление после появления на Северном Кавказе аваров (конец 550-х гг.), а затем Первого Тюркского каганата (начало 570-х гг.). Полностью это влияние не исчезало никогда благодаря федеративным отношениям между Империей и аланами, ближайшими соседями сабиров (сянбийцев). Сам факт длительного присутствия в степях Предкавказья и в Западном Прикаспии сянбийцев, протомонгольских кочевников, не должен нас удив-

¹³¹ Иоан. Eph. HE IV. 6.

¹³² Procop. Anecd. XVI. 1–5.

лять, так как в последующие века этот регион часто становился прибежищем монгольских племен: самый поздний пример — воинственные ойраты, предки современных калмыков, захватившие степи Западного Прикаспия в XVII в., т. е. в раннее Новое время, наносившие поражения войскам Речи Посполитой, сохранившие буддизм и кочевой КХТ в составе Всевеликого Войска Донского вплоть до трагических событий 1920 г. На основании изложенных аргументов мы можем высказать предположение, что группа гуннов, крестившаяся в Константинополе во главе со своим ханом в 619/620 г., представляла собой сабирскую (сяньбийскую) группу, которую император Ираклий намеревался использовать в борьбе против Аварского каганата. Какое же отношение имеет данный факт к идентификации тюркского жениха Августы Епифании?

Как уже было сказано, Никифор, рассказавший об обручении Епифании и «Тюрка», в дальнейшем повествовании сообщает о том, что после победы над персами и гибели Хосрова II Парвиза от рук заговорщиков Ираклий отправил Епифанию к «Тюрку» в соответствии с договором 627 г. Это событие можно датировать на основании информации Никифора 629/630 г. Выше нами было установлено, что ни Тун Джабгу, правитель Западно-Тюркского каганата в 608–628 гг., ни его дядя и преемник Сипи, правитель каганата в 628–631 гг. не могли претендовать на руку и сердце Августы Епифании. Следовательно, в 627 г. Ираклий соединился под Тбилиси и заключил договор не с этими правителями, т. е. вообще не с западными тюрками. С кем же в таком случае был заключен договор Ираклия о союзе? Кто стал побратимом Ираклия и женихом Епифании?

Феофан в своем кратком рассказе о договоре 627 г. допускает одну очень важную оговорку, очевидно, не замеченную И. С. Чичуровым и другими исследователями, писавшими об Августе Епифании. Оговорка эта, разумеется, была заимствована Феофаном из переработанной им хроники Георгия Синкелла, в то время как Георгий Синкелл переписал ее из так называемого «досье». «Досье» Георгия Синкелла, по мнению Пауля Шпека, представляло собой сборник документов, составленный не только из сирийских исторических сочинений, но также из остатков делопроизводства канцелярий восточных провинций Империи, завоеванных

арабами, которые Георгий Синкелл вывез в Константинополь в царствование императрицы Ирины. Во фрагменте дипломатического протокола, который был воспроизведен Георгием Синкеллом и Феофаном, сказано, что Ираклий позвал на помощь: «Тюрков с Востока, которые называются Хазарами» (τοὺς Τούρκος ἐκ τῆς Ἐφᾶς, οὓς Χάζαρεις ὀνομάζουσιν) (подчеркивание мое. — А. М.)¹³³. Выше мы уже говорили о том, что отождествление тюрков с хазарами является модернизацией, т. е. искажением исторической ситуации эпохи Ираклия вследствие перенесения Георгием Синкеллом и Феофаном в эту эпоху византийских этнографических представлений времен императрицы Ирины. Однако выражение «τοὺς Τούρκος ἐκ τῆς Ἐφᾶς» признать подобным искажением невозможно, ибо эта оговорка, бессмысленная для Мовсеса Каганкатваци, Георгия Синкелла и Феофана¹³⁴ (хазары обитали не на Востоке, а на Севере относительно византийской Армении и Константинополя), с поразительной точностью отражает этно-политическую обстановку, сложившуюся в степях Срединной Азии в период царствования Ираклия. Искать жениха Августы Епифании нужно не на Севере (т. е. не в землях западных тюрков), а на Востоке, в землях восточных тюрков.

Претензии Тун Джабгу на «завоевание Персии», которые нашли отражение в китайской хронике, были не более, чем пропагандой кагана западных тюрков, которая не имела никакого отношения к действительности¹³⁵. К 627 г. Западно-Тюркский каганат представлял собой конгломерат кочевых племен, которые хотя и признавали власть кагана (Тун Джабгу, затем Сипи), однако находились в состоянии постоянной междоусобной борьбы. Л. Н. Гумилев художественно описал, как племена нушеби, выставившие в каганы Тун Джабгу, враждовали с северными племенами дулу, которые поддерживали его дядю Сипи¹³⁶. Вследствие этого

¹³³ Theophanis Chronographia. P. 315. 15–16.

¹³⁴ Мовсес Каганкатваци не имел доступа к римским дипломатическим документам, известным источнику Феофана, и поэтому называл тюркского кагана, союзника Ираклия, «царем севера» в соответствии с общепринятыми географическими представлениями армянских историков. См.: *Dasxuranci, M. The History of the Caucasian Albanians*. P. 87–88.

¹³⁵ *Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах... Т. I. С. 283.*

¹³⁶ *Гумилев, Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К°», 1993. С. 184–185. По мнению исследователя, дулу были эко-*

дядя (Сипи) организовал переворот и убийство племянника (Тун Джабгу) в 628 г., а затем сам был свергнут и убит благодаря активности внучатого племянника (Сы Джабгу, сын Тун Джабгу)¹³⁷. В связи с этим закономерными становились стремления подвластных кочевых племен к независимости от каганата: такие стремления, вероятно, продемонстрировали гунны (в действительности сабиры/сяньбийцы), крестившиеся в Константинополе в 619/620 г., и 10 лет спустя, также крещенный в Константинополе болгарский хан Кубрат. В этих условиях Западно-Тюркский каганат не представлял серьезной военной силы, наподобие той, которую еще относительно недавно воплощал Первый Тюркский каганат. Зачем же Ираклию было обращаться за помощью к хвастливому, но слабому кагану западных тюрков?

В то же время Восточно-Тюркский каганат переживал в середине 620-х гг. расцвет, связанный с активной внешней экспансией правителя по имени Иллиг Каган, носивший титул Багатур Шад (620–630). К нему Ираклий и обратился¹³⁸. Этот правитель был женат на китайской принцессе Ичжен Хатун (Yicheng) 义成公主 (599–630) из династии Суй. Под влиянием этого обстоятельства в 621–626 гг. Иллиг Каган собрал силы своего каганата для разгрома и завоевания Империи Тан, что в 630 г. закончилось для него полной катастрофой¹³⁹. Но в середине 620-х гг. Иллиг Каган еще обладал широкими военными возможностями и, очевидно, связями с протомонгольскими племенами, разбросанными на широком пространстве евразийских степей, в частности, с аварами и сабирами (сяньбийцами)¹⁴⁰. Степная территория каганата

номически связаны с Турфаном и китайской династии Суй, а нушиби — с согдийскими городами и Империей Тан.

¹³⁷ Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах... Т. I. С. 284–285.

¹³⁸ Показательно, что Мовсес Каганкатваци, рассказывая о походе кагана на Кавказ в 627 г., упоминает племянника «ябгу Кагана» с титулом Шад. Возможно, подобное упоминание связано с влиянием на историка мемуаров армянских офицеров армии Ираклия, которые запомнили титул нового тюркского союзника. См.: Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения... С. 100; *Dasxuranci, M.* The History of the Caucasian Albanians. P. 87–88.

¹³⁹ Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах... Т. I. С. 253–255.

¹⁴⁰ Гумилев, Л. Н. Древние тюрки... С. 9–21; 193–205. Л. Н. Гумилев при-

западных тюрков не могла быть пространством, непроницаемым для дружин восточных тюрков по причине, междоусобной борьбы племен в этом каганате.

Для атаки Сасанидского Ирана каган западных тюрков мог бы использовать кратчайшее направление на Герат, т. е. маршрут, по которому в 589 г. наступал Савэ-шах, разбитый Бахрамом Чубином. Подобное наступление заставило бы Хосрова II оттянуть на северо-восток армию Рахзада, вынудило бы Шахрбараза и Шахина вывести гарнизоны из Александрии и Карфагена¹⁴¹ для их последующей переброски в Армению против Ираклия. Но каган западных тюрков зачем-то предпочел огибать Каспийское море, проходить через территории полунезависимых сабиров (сяньбийцев), чтобы соединиться с Ираклием под Тбилиси, а затем оставил Ираклию лишь часть своих всадников, которые с наступлением зимы дезертировали¹⁴². Подобное стратегическое решение совершенно

держивался отвергнутой сегодня гипотезы угорского происхождения сабиров (сяньбийцев) и аваров (рурань). Ученый предлагал интерпретировать события последней римско-персидской войны 603–628 гг. как часть большой «мировой войны» VII в., что вполне вероятно. Однако Л. Н. Гумилев ошибочно представлял Восточный Тюркский каганат союзником коалиции Аварского кагана Баяна II и персидского шаха Хосрова II на том основании, что восточные тюрки вел войну против Империи Тан, с которой находились во враждебных отношениях Сасаниды. В действительности каган восточных тюрков был союзником Ираклия, о чем прямо сообщает Феофан (Георгий Синкелл). Западно-Тюркский каганат, раздираемый гражданской войной между племенами, союзником Ираклия быть не мог. Ни Тун Джабгу, умерший в 628 г., ни его слабые преемники не могли быть женихами Епифании.

¹⁴¹ Пауль Шпек убедительно доказал, что в 615/617 г., после завоевания Египта, персы вышли на границу с Эфиопией, а затем вторглись в Ливию и захватили Карфаген. Тем самым персы создали угрозу владениям Империи в Испании и на Сицилии. Пауль Шпек доверяет сообщению Феофана и убедительно доказывает, что хронист VIII в., на которого опирался Феофан, возможно, тот же Георгий Синкелл, при копировании источников эпохи Ираклия не мог допустить ошибку и случайно назвать «Карфагеном» Халкидон. В VIII в. потерянный Карфаген уже находился за пределами политико-географических представлений византийских писателей. См.: *Speck, P. Das geteilte Dossier... S. 75–81.*

¹⁴² *Theophanis Chronographia. P. 317. 11–16; Kaegi, W. E. Heraclius. Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003. P. 158.*

не соответствовало военной целесообразности, но оно становится объяснимым, если мы допустим, что вместо кагана западных тюрков под Тбилиси в 627 г. прибыл каган восточных тюрков, получивший просьбу о помощи от Ираклия в соответствии с информацией, сохранившейся у Феофана. Дружина восточных тюрков не могла бы пробиться в Иран через владения западных тюрков в Средней Азии, поскольку для этого понадобилось бы осаждать много крепостей и терять время. В то же время путь через степи Южной Сибири и Приуралья к Каспийскому морю и последующее наступление на Кавказ были для кагана восточных тюрков оптимальным решением по причине союзнических отношений с сабирами (сяньбийцами), которые тяготились зависимостью от западных тюрков и предпочитали восточных тюрков по причинам близкого происхождения. Подобный длительный путь монголы легко и быстро совершали и позднее: в XIII в. и в XVII в. несмотря на то, что КХТ монголов и их техническое оснащение мало отличались, или лучше сказать, вообще ничем не отличались от КХТ и технического оснащения восточных тюрков VII в.

Почему же Иллиг Каган смог стать женихом Августы Епифании? Потому что именно он, еще не будучи каганом, принял крещение в Константинополе вместе с группой сабирских (сяньбийских) ханов в 619/620 г. и, вероятно, уже тогда смог убедить Ираклия в том, что его китайская жена буддистка, принцесса Ичжен из династии Суй, не будет помехой для нового христианского брака с римской императрицей. Ибо брак Иллиг Кагана с Ичжен, заключенный на основе обычая левирата (Иллиг Каган был изначально пасынком Ичжен), не признавался законным согласно византийскому церковному праву. Положение Ираклия в 627 г. было настолько тяжелым, что он, скрепя сердце, мог дать согласие на брачный союз дочери с Иллиг Каганом. Более того, брак Епифании с Иллиг Каганом сулил заманчивые перспективы христианизации далекой Монголии, которая представляла интерес для Константинопольского патриарха Сергия. Ибо Сергей, готовивший в это время унию с монофизитами на почве моноэнергизма, рассматривал несторианскую миссию в Согдиане и Хотане как конкурирующую силу. Иллиг Каган оставил Ираклию часть своих сил, а сам, по словам Феофана, повернул домой именно

вследствие географической удаленности Монголии от Кавказа. Для кагана западных тюрков не было бы никакой необходимости в столь быстром возвращении.

Попытаемся реконструировать дальнейшие события, кратко упомянутые Никифором¹⁴³. В 629/630 г. Августа Епифания, подражая Пультону в рассказе Валерия Максима¹⁴⁴, покинула Константинополь и отправилась в Хара-Балгас, ставку Иллиг Кагана, лежавшую на краю земли. Путь был неблизкий. Императрица не догадывалась, что само Провидение избавляло ее от брака с «Тюрком». В 630 г. китайские войска Империи Тан под командованием полководца Ли Цзина разбили Иллиг Кагана, захватили Хара-Балгас и взяли в плен самого правителя восточных тюрков. Принцесса Ичжен погибла в бою при Юньшань¹⁴⁵. Иллиг Каган был отправлен во внутренние районы Империи Тан, где умер в 634 г.¹⁴⁶ На основании этих событий мы можем сделать вывод о том, что Епифания начала свое путешествие, даже не подозревая о судьбе жениха, которого ей только предстояло увидеть. Путь, вероятно, сначала пролегал через персидские владения, ибо путешествовать по приуральским и южносибирским степям через территорию Западно-Тюркского каганата, где шла междоусобная война, было достаточно опасно.

В Иране в это время правила дочь Хосрова II мудрая царица Бурандохт (630–631), которая подтвердила мирный договор с Ираклием. После убийства Бурандохт, ставленницы парфян-

¹⁴³ Nikephoros, Patriarch of Constantinople. P. 66. 4–7.

¹⁴⁴ Val. Max. VI. 5. 4. ext. 7. Валерий Максим в сборнике под названием «Достопамятные деяния и изречения» рассказывает историю молодого человека из Пинн по имени Пультон, относящуюся к периоду Союзнической войны (91–87 гг. до Р. X.). Пультон пожертвовал честью ради спасения отца, взятого в плен римским командующим (Romanus imperator). Эротический оттенок этой истории способствовал ее забвению еще в античности: «cum obsessae urbis suae claustris praesideret et Romanus imperator patrem eius captivum in conspectu ipsius constitutum dstrictis militum gladiis circumdedisset, occisurum se minitans, nisi inruptioni suae iter praeuisset, solus e manibus senem rapuerit...»

¹⁴⁵ *Hing Ming Hung*. Li Shi Min. Founding the Tang Dynasty. The Strategies that made China the Greatest Empire in Asia. New York, 2013. P. 76–77.

¹⁴⁶ Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах... Т. I. С. 256.

ской партии, на сасанидский престол взошла ее сестра красавица Азармедохт (631–632), которая продолжала дружественную политику по отношению к Восточной Римской империи. Сасанидская держава, раздираемая борьбой между персидской и парфянской партиями, как раз в этот момент стала объектом первых арабских набегов. Епифания должна была преодолеть большое расстояние, отделяющее Хорасан от римской границы, а затем вступить на территорию согдийских владений Западно-Тюркского каганата, где царил относительный порядок. Далее путь должен был пролегать через Хотан, где существовала несторианская община, в Монголию. Несмотря на то, что римская Августа придерживалась халкидонского исповедания, христиане несторианского толка становились естественными союзниками Епифании в варварском и языческом окружении. Путешествие буддистского паломника и монаха Сюань-цзана из Китая через Турфан и Суяб к берегам озера Иссык-Куль, а затем через Ташкент на Кундуз, Балх до Джелалабада и Гандхары заняло более года (629/630)¹⁴⁷. Исходя из этого обстоятельства можно предположить, что путешествие Епифании из Мерва, города, располагавшегося на границе владений Сасанидского Ирана и Западно-Тюркского каганата, через Самарканд, Ташкент и ущелье Железные Ворота до Хара-Балгаса должно было занимать примерно столько же времени, если учесть еще и то обстоятельство, что подобное путешествие было весьма опасным вследствие враждебных отношений, существовавших между обоими тюркскими государствами. Таким образом, Августа,

¹⁴⁷ *Сюань-цзан*. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си ю цзи) / пер. и коммент. Н. В. Александровой. М., 2010. С. 9, 31–56; *Тугушева, Л. Ю.* Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. М., 1980. С. 7. Уйгурский перевод биографии Сюань-цзана был создан в X в. в Бешбалыке уйгурским переводчиком и писателем Синьку Селитудуном. Один из сохранившихся фрагментов этого перевода содержит поэтическое описание Сюань-цзаном ущелья Железные Ворота и озера Иссык-Куль. В X–XI вв. Уйгурский каганат представлял собой многоконфессиональное полукочевое государство, где соседствовали несторианские общины, буддисты и манихеи. В XIII в. уйгурская культура испытала тяжелый удар в ходе монгольского завоевания; в настоящее время уйгуры стали объектом культурного геноцида, проводимого китайским коммунистическим режимом.

покинувшая Константинополь в 629/630 г., при самых благоприятных условиях должна была прибыть в ставку жениха в 631/632 г., т. е. в то время, когда эта ставка и весь каганат восточных тюрков уже прекратили свое существование. Очевидно, Епифания узнала о разгроме Восточно-Тюркского каганата Танскими войсками, проехав примерно половину пути, возможно, в Самарканде или Ташкенте, о чем ей с плохо скрываемой радостью сообщили согдийские купцы — подданные очередного кагана западных тюрков. Получив трагические известия, которые, впрочем, вряд ли столь уж сильно огорчили ее, Епифания далее принимает решение сделать остановку и воспользоваться гостеприимством правителей Самарканда, которые предпочитали оставаться в стороне от кровопролитной гражданской войны, бушевавшей в Западно-Тюркском каганате в первой половине 630-х гг. Здесь в Самарканде Епифания жила в роскошном дворце Афрасияба, где услужливые согдийцы приготовили для нее великолепные покои по приказу Сы Джабгу (631–633), нового кагана западных тюрков. Этот правитель был польщен честью, которую оказала ему римская императрица своим посещением. В этом дворце Епифания могла любоваться знаменитыми фресками Афрасияба, которые начали создаваться в этот период специально в связи с ее приездом, и которые демонстрировали римской императрице величие каганата. Эти фрески чудом переживут монгольский погром 1220 г. и будут раскопаны вместе с развалинами дворца только в 1960-е гг. Не исключено, что Епифания встречалась во дворце Афрасияба с Сы Джабгу, который мог проезжать через Самарканд во время своего похода на Балх. Как отмечал Сюань-цзан, Сы Джабгу погиб под Балхом, намереваясь разграбить местный буддистский монастырь.

Длительное пребывание Августы Епифании в Самарканде продолжалось, по-видимому, до 634/635 г., т. е. до того момента, когда Ираклий получил запоздалые сведения о разгроме Восточно-Тюркского каганата и о гибели в плену жениха Епифании. В это время вся Месопотамия и Сирия были уже охвачены пожаром арабского нашествия, а торговые караваны, вместе с которыми пересылались дипломатические письма, были блокированы в связи с боевыми действиями. Наконец, Епифания получила приказ отца возвращаться в Константинополь. Обратный путь был несрав-

ненно более сложен и опасен. В 634 г. арабы завоевали Дамаск. Если Епифания начала обратный путь в 635 г., ей, вероятно, пришлось надолго задержаться в Мерве, ибо путь через Месопотамию и Сирию уже был закрыт. В 636 г. арабы разбили римлян в битве на реке Ярмук и персов в битве при Кадисии, после чего весной 637 г. взяли Ктесифон, а в конце 637 г. захватили Антиохию. Епифания покидала Константинополь, когда ее отец, победитель персов и спаситель Животворящего Древа Креста, был в зените славы¹⁴⁸, а возвращалась, когда ее отец, потеряв восточные провинции, позорно бежал из Антиохии, бросив напоследок знаменитую фразу: «Прощай, Сирия». Возможно, в 637/638 г. Епифании удалось прорваться на территорию Империи через Армению, где уже начали появляться арабские банды, нападавшие на города и угонявшие пленных. Возвращение Епифании вряд ли доставило особую радость ее отцу и мачехе — императрице Мартине, ибо двум римским Августам было трудно ужиться в столице. Очевидно, что Ираклий решил отправить дочь на Восток во исполнение договора в 629/630 г. под давлением Мартины, которая сопровождала мужа во время персидской кампании, начиная с 623 г. (т. е. почти с самого заключения брака с Ираклием) постоянно находилась при армии и не желала, чтобы ее августейшая падчерица продолжала тем временем укреплять свой авторитет в столице. Данный вывод напрашивается прежде всего потому, что Ираклий мог бы и не отправлять Епифанию к жениху после того, как оставленные им союзные силы дезертировали зимой 627/628 г. во время похода в Персию¹⁴⁹. Возвращение Епифании в Константинополь по-видимому поставило Мартину в трудное положение. Однако жена Ираклия быстро (уже осенью 640 г.) нашла из него выход и предложила через александрийского патриарха Кира выдать падчерицу замуж за арабского военачальника Амра, который к этому времени уже захватил большую часть Египта и угрожал Александрии¹⁵⁰. Никифор сообщает нам об этом новом брачном проекте, не упоминая роли Мартины. К счастью Епифания, веро-

¹⁴⁸ Zuckerman, C. Heraclius and the return of the Holy Cross, in: *Constructing the Seventh Century* / Ed. by C. Zuckerman. Paris, 2013. P. 197–218.

¹⁴⁹ Theophanis Chronographia. P. 317. 11–16.

¹⁵⁰ Nikephoros, Patriarch of Constantinople. P. 70. 11–72. 19.

ятно, убедила отца отвергнуть это «заманчивое» предложение и в ноябре 641 г., после низложения Мартины, обрела свободу.

Предложенная нами реконструкция событий, связанных с историей обручения Августы Епифании и ее поездкой на Восток, осложняется состоянием источников. Никифор сообщает нам только фрагментарную информацию, достоверность которой к тому же была поставлена под сомнение Паулем Шпеком. Однако аргументация Пауля Шпека не убедительна, ибо в сущности сводится к утверждению, что романтический сюжет не может быть достоверным в силу своего романтического характера, и поэтому не находит подтверждения у Феофана. Однако история романтических отношений Ираклия и Мартины не вызывает у исследователя никаких сомнений¹⁵¹, что же касается Феофана, сам Пауль Шпек неоднократно констатировал вторичность и фрагментарность его изложения.

Оставим в стороне убедительные аргументы Константина Цукермана в пользу исторической достоверности истории обручения Епифании с «Тюрком», которые связаны с исчезновением Епифании на монетах, начиная с 629 г. — предполагаемой даты ее отъезда к тюркам¹⁵², и вернемся к истории обручения в рассказе Никифора. Наличие в изложении Никифора прямой речи Ираклия действительно наводит на мысль о существовании византийского художественного романа об Ираклии, фрагментами которого пользовался также Феофан (Георгий Синкелл) при описании персидской кампании этого императора, так как цитировал речи Ираклия, обращенные к солдатам. Как сообщает современному эллинисту Ираклия источник, «Житие Анастасия Перса», армия Восточной Римской империи при Ираклии еще разговаривала на латинском языке¹⁵³, который оставался профессиональным языком, *lingua franca*, для армян, готов, гепидов, греков и гуннов, служивших под командованием императора. Следовательно, подлинные речи

¹⁵¹ Пауль Шпек констатирует сложность реконструкции романа Ираклия и Мартины и достаточно успешно решает эту задачу; см.: *Speck, P. Das geteilte Dossier...* S. 40–50.

¹⁵² *Zuckerman, C. Au sujet de la petite Augusta sur les monnaies d'Héraclius, in: Revue Numismatique. 1997. P. 473–478.*

¹⁵³ *Speck, P. Das geteilte Dossier...* S. 461.

Ираклия, адресованные солдатам, произносились по латыни, в то время как их греческий перевод был сделан позже для составления сборника изречений императора, который и лег в основу романа. Роман мог быть написан при Константе II (641–668), ибо, очевидно, что целые фрагменты из него, направленные против императрицы Мартины и инкорпорированные в повествование Никифора и Феофана, отражали придворную пропаганду Константа II. К таким пропагандистским фрагментам, не имевшим ничего общего с действительностью, относятся, в частности, рассказы о конфликте между Ираклием и патриархом Сергием из-за «незаконного» брака Ираклия и Мартины, а также о конфликте Ираклия с братом Феодором по той же самой причине после поражения, нанесенного римлянам арабами. Был ли автором романа секретарь Ираклия, Феофилакт Симокатта? По-видимому, ответить на этот вопрос утвердительно не представляется возможным, ибо фрагменты романа дошли до нас в составе хроник Никифора и Феофана в сильно отредактированном виде, а сам Феофилакт скончался, вероятно, еще при Ираклии. Некоторые детали, сохранившиеся в повествовании Никифора, в частности, эпизод с усыновлением «Тюрка» Ираклием могли быть инкорпорированы в текст романа об Ираклии в пропагандистских целях позднее, а именно в период второго правления императора Юстиниана II (705–711). Брак Юстиниана II с хазарской княжной Феодорой позволял Юстиниану II считать себя членом семьи кагана Ибузира Глявана, но двуличная политика этого кагана по отношению к Юстиниану II в период его изгнания давала императору повод подчеркнуть, что его старшинство над тестем основано на старинной традиции усыновления тюркских каганов римскими императорами. В действительности, как было доказано выше, эпизод с усыновлением и «коронацией» «Тюрка» Ираклием, заимствованный Никифором из романа, в искаженном виде изображает реальное побратимство и обмен оружием (шлемами), который совершили Ираклий и «Тюрк» под Тбилиси в 627 г. Следовательно, роман об Ираклии при всем его художественном и пропагандистском характере отражает реальные события. Беспрецедентный акт обручения римской императрицы, Августы Епифании, с «Тюрком», несмотря на романтические подробности, к которым следует

отнести, например, любовную страсть кагана к римской Августе, вспыхнувшую в его сердце от созерцания ее портрета, становится объяснимым и целесообразным, если учесть трудность военного положения Ираклия в 627 г., а также желание Мартины отослать подальше из столицы падчерицу, которая обладала равным с ней титулом и которая к тому же получила этот титул на десять лет раньше Мартины¹⁵⁴.

Благодаря Феофану нам известно, что Ираклий в период подготовки похода в Персию усиленно тренировал солдат и читал книги по тактике и стратегии, к которым, вероятно, следует отнести знаменитый «Стратегикон» Псевдо-Маврикия. Мартина, по-видимому, была образована лучше мужа и готовилась к участию в походе, читая исторические сочинения¹⁵⁵. Мартина могла знать хронику своего современника Иоанна Антиохийского, возможно, также историю Приска Панийского и хронику Марцеллина Комита, которые рассказывают упомянутую выше историю римской Августы Запада Юсты Граты Гонории. Напомним, что в 449 г. император Запада Валентиниан III (425–455) узнал о любовной связи своей сестры Гонории и некоего прокуратора Евгения; роман привел к беременности императрицы. Разразился скандал, и Евгений был незамедлительно казнен. Августу Гонорию отправили из Равенны в Константинополь ко двору императрицы Пульхерии, дабы скрыть беременность и организовать брак обезбещенной сестры Валентиниана со знатным человеком по имени Геркулан. Гонория, вероятно, уже находясь в Константинополе, вспомнила о своей властной матери, Галле Плацидии, и решила оказать сопротивление брату и новым опекунам. Она вручила свой перстень преданному ей евнуху Гиацинту и отправила его к хану гуннов Аттиле с предложением взять ее в жены. Эти события спровоцировали Аттилу, который выдвинул Валентиниану III ультиматум

¹⁵⁴ Как уже было отмечено, коронация Епифании состоялась 4 октября 612 г. Брак Ираклия и Мартины был заключен в 622/623 г.

¹⁵⁵ Мартина разделяла с Ираклием все тяготы военных действий и находилась в составе действующей армии с весны 623/624 г. (с весны 623 г. согласно гипотезе Пауля Шпека) до заключения мира с персами в 628 г. Она родила будущего императора Ираклона во время пребывания войск в Лазике в 626 г.

с требованием освободить Гонорию, а затем вторгся в Галлию и в Италию. Некоторые исследователи высказывали сомнения в реальности этой истории¹⁵⁶. С нашей точки зрения, эти сомнения безосновательны, ибо противоречат прямым сведениям независимых друг от друга источников. Мы можем предположить, что Гонория была не одинока в своем желании отомстить брату за обиду. Возможно, идея обратиться за помощью к Аттиле и предложить гуннскому хану руку и сердце исходила от Пульхерии, которая могла таким образом нанести удар Западной Римской Империи в целях ее дальнейшего ослабления. Почти два века спустя Мартина могла рассказать историю Гонории Ираклию и изложить супругу план действий: Ираклий предлагает «Тюрку» руку Епифании и показывает кагану приготовленный заранее портрет дочери, который может стать (и станет) не менее действенным средством убеждения, чем перстень Гонории. В результате Мартина смогла избавиться от соперницы и усилить войска Ираклия подкреплениями, которые привел сильный союзник.

Разумеется, оппоненты могут возразить нам: автор романа об Ираклии знал историю Гонории и под влиянием этой истории сочинил рассказ об обручении Епифании с «Тюрком». На это мы можем ответить: если бы рассказ об обручении Епифании с «Тюрком» был заимствованием, автору такого заимствования было бы проще для большей убедительности перенести в свое повествование эпизод с перстнем, а не создавать портрет Епифании, который вызвал у кагана любовную аффектацию. Кроме того, чтение истории Гонории вряд ли навело бы автора романа об Ираклии на мысль придумать рассказ о путешествии Епифании к «Тюрку», которое она была вынуждена прервать из-за гибели жениха. Реальные исторические события, как правило, предлагают исследователю более сложную причинно-следственную связь, чем выдуманный сюжет романа, который подчиняется определенным законам жанра. Эта реальная причинно-следственная связь между политикой Мартины, событиями римско-персидской войны, побратимством Ираклия

¹⁵⁶ *King Charles, W. Attila, Honoria, and the Nature of Hunnic Rule, in: Radical Traditionalism: The Influence of Walter Kaegi in Late Antique, and Medieval Studies / Ed. by Ch. Raffenberger and D. Olster. London, 2019. P. 97–114.*

и кагана вызвали к жизни проект обручения Епифании с «Тюрком», которое было аннулировано гибелью жениха.

В заключении нашего этюда сформулируем основные выводы. Роман об Ираклии, созданный на основе сборника изречений этого императора в царствование Константа II и отредактированный в период второго правления Юстиниана II, был использован Никифором при написании «Краткой истории». В романе об Ираклии подробно излагалась история обручения дочери Ираклия, Августы Епифании, с Иллиг Каганом, правителем Восточно-Тюркского каганата (а не с тем или иным каганом западных тюрков), а также итинерарий Епифании, т. е. незавершенное путешествие дочери Ираклия в Монголию. Никифор ограничился лишь кратким пересказом этих событий. Некоторые эпизоды, описанные в романе, например, речи Ираклия к солдатам, рассказ о встрече Ираклия с каганом под Тбилиси в 627 г., известие о дезертирстве тюркских воинов во время зимнего похода Ираклия в Персию, были более кратко отражены в более поздних сирийских или же греческих источниках, ныне утраченных, которыми пользовались Мовсес Каганкатваци, Георгий Синкелл и следовавший за Синкеллом Феофан¹⁵⁷. Никто из них не был непосредственно знаком с романом об Ираклии, в отличие от Никифора. Поздние сирийские историки: Михаил Сириец, Хронист 1234 г. и Бар-Эбрей ограничились кратким пересказом сообщения об обручении Епифании с «Турком», однако они заимствовали этот сюжет романа об Ираклии благодаря посредничеству сирийского источника, составленного не ранее 670 г., ибо в этом источнике тюрки, так же как и в источнике Феофана (Георгия Синкелла), названы хазарами. События, реконструируемые на основании фрагментов романа об Ираклии, сохранившихся в «Краткой истории» Никифора, а также на основании информации Феофана (Георгия Синкелла), например, сообщения о «восточных тюрках», соответствуют военно-полити-

¹⁵⁷ *Howard-Johnston James*. Armenian Historians of Heraclius. An Examination of the Aims, Sources and Work-Methods of Sebeos and Movses Daskhurantsi, in: *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* / by Gerrit J. Reinink and Bernard H. Stolte. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2002. P. 41–62; *Watt John, W.* The Portrayal of Heraclius in Syriac Historical Sources, in: *The Reign of Heraclius (610–641). Crisis and Confrontation ...* P. 63–79.

ческой ситуации, сложившейся в театре военных действия между Восточной Римской Империей и Сасанидской Персией, а также в Западно-Тюркском и Восточно-Тюркском каганатах во второй половине 620-х — начале 630-х гг.

Обручение Августы Епифании и кагана восточных тюрков: 1) укрепляло военный союз между Ираклием и восточными тюрками и способствовало поражению Сасанидского Ирана; 2) соответствовало политическим интересам императрицы Мартины, заинтересованной в удалении из Константинополя падчерицы и политической соперницы; 3) отвечало миссионерским планам патриарха Сергия, который готовил унию с монофизитами на почве моноэнергизма (позднее монофелитства) и намеревался уравновесить успехи несторианской миссии в землях Западно-Тюркского каганата посредством создания халкидонитской миссии в Восточно-Тюркском каганате.

Указанные выводы позволяют нам прийти к заключению о том, что история обручения и любви Августы Епифании и «Тюрка» является достоверным историческим фактом. Обручение Августы Епифании и тюркского кагана, путешествие Августы Епифании к тюркскому кагану, незавершенное из-за смерти жениха, подтверждают глубокую культурную трансформацию общественных представлений об императорской семье, которые произошли в Восточной Римской Империи в эпоху императора Ираклия¹⁵⁸.

Информация о статье

Митрофанов, А. Ю. Брак Августы Епифании с Тюрком: исторический факт или глава приключенческого романа?, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени*. 2022. Вып. 6 (2). С. 81–145.

Андрей Юрьевич Митрофанов, д-р ист. наук, научный сотрудник Санкт-Петербургской Духовной Академии РПЦ (191167, Россия, Санкт-Петербург, набережная Обводного Канала, 17)

non-recuso-laborem@yandex.ru

УДК 94(495).01–02

¹⁵⁸ Лебедева, Г. Е. Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (куриалы, сенаторы по данным кодексов Феодосия и Юстиниана), В кн.: *Вестн. ЛГУ*. 1990. Вып. 4 (23). С. 21–30.

Статья посвящена исследованию истории обручения дочери императора Ираклия (610–641), Августы Епифании (Евдокии), и тюркского кагана, а также путешествия Августы Епифании к тюркам, которые описаны патриархом Никифором в «Краткой Истории». Автор анализирует сообщение Никифора, сопоставляет это сообщение с информацией Феофана, Мовсеса Каганкатваца (Дасхуранци), Сумбата Давитис-дзе, китайских хроник эпохи Тан и поздних сирийских историков. Автор подвергает критике концепцию Пауля Шпека, отвергавшего достоверность истории обручения Епифании с «Тюрком», а также гипотезу Этьена де ля Вассьера, который полагал, что женихом Августы Епифании был каган западных тюрков Сипи. Автор приходит к выводу о том, что история обручения Августы Епифании с «Тюрком» в 627 г., а также итинерарий Епифании, путешествие дочери Ираклия на Восток в 629/630 гг. являются историческими фактами. Автор реконструирует путешествие Августы Епифании к тюркам и высказывает гипотезу о посещении римской Августой дворца Афрасияба в Самарканде. Идентифицируя тюркского жениха Августы Епифании, автор приходит к выводу, что им был правитель восточных тюрков Иллиг Каган, потерпевший поражение в борьбе против Империи Тан в 630 г.

Ключевые слова: Восточная Римская Империя, Ираклий, Епифания, Мартина, Западно-Тюркский каганат, Восточно-Тюркский каганат, Сасанидский Иран, Тун Джабгу, Сипи, Иллиг Каган, Ичжен, Хосров II Парвиз, Бурандохт, Азармидохт, обручение, побратимство, брак

Information on the article

Mitrofanov, A. Yu. Bethral of Epiphania and the Turkic Qaghan: historical Fact or Chapter of Adventure Story?, in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2022. Vol. 6 (2). P. 81–145.

Andrey Yurievich Mitrofanov, Doctor of Historical Sciences (Dr. Habil.), Researcher at the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church (191167, Rossiya, Sankt-Peterburg, naberezhnaja Obvodnogo Kanala, 17) non-recuso-laborem@yandex.ru

The article is devoted to the study of the history of the betrothal of the daughter of Emperor Heraclius (610–641), Augusta Epiphania (Eudokia), and the Turkic Qaghan, as well as the journey of Augusta Epiphania to the Turks, which are described by Patriarch Nikephoros in the «Short History». The author analyzes the message of Nikephoros, compares this message with the information of Theophanes, Moses Kagankatvatsi (Daskhurantsi), Sumbat Davitis-dzeh, Chinese chronicles of the Tang era and late Syrian historians. The author criticizes the concept of Paul Speck, who rejected the authenticity of the history of the betrothal

of Epiphania with the «Turk», as well as the hypothesis of Etienne de la Vassiere, who believed that the groom of Augusta Epiphania was the Qaghan of the Western Turks Sipi. The author comes to the conclusion that the story of the betrothal of Augusta Epiphania with the «Turk» in 627, as well as the Epiphania's itinerary, the journey of Heraclius' daughter to the East in 629/630 are historical facts. The author reconstructs the journey of Augusta Epiphania to the Turks and hypothesizes about the visit of the Roman Augusta to the Afrasiab Palace in Samarkand. The author identifies the Turkic groom of Augusta Epiphania and comes to the conclusion that he was the ruler of the eastern Turks, Illig Qaghan, who was defeated in the struggle against the Tang Empire in 630.

Keywords: Eastern Roman Empire, Heraclius, Epiphania, Martina, Western Turkic Khaganate, Eastern Turkic Khaganate, Sasanian Iran, Tun Jabgu, Sipi, Illig Qaghan, Princess Yicheng, Khosrow II Parviz, Burandokht, Azarmidokht, betrothal, fraternization, twinning, marriage

Список источников и литературы

Agathiae Myrinaei Historiarum Libri Quinque / Hrsg. v. Rudolf Keydell. (CFHB 2). Berlin: De Gruyter, 1967. 232 p.

Altheim Franz. Geschichte der Hunnen. Band II: Die Hephthaliten in Iran. Berlin: Walter De Gruyter & Co, 1969. 329 p.

Anne Comnène. Alexiade. Par Bernard Leib. Paris: Les Belles Lettres, 1967–1989, Vol. I–III. 178 p.

Bar Haebreus. Chronography. Ed. by E. A. Wallis Budge. London, 1932. 403 p.

Barnes, T. Christentum und dynastische Politik (300–325) / Usurpationen in der Spätantike / Hrsg. v. François Paschoud und Joachim Szidat. Stuttgart, 1997. S. 99–110.

Barnes, T. Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire, Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2014. 266 p.

Barnes, T. Constantine and Eusebius. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 458 p.

Barnes, T. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge: Harvard University Press, 1982. 305 p.

Chalandon, F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I: Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081–1118). Paris: A. Picard et Fils, 1900. 343 p.

Chronique de Michel le Syrien. Par J.-B. Chabot. Paris: Ernest Leroux, 1901. T. II. 546 p.

Chronicon a. 1234. Par. Par J.-B. Chabot. Paris: Gabalda 1914. T. I. 355 p.

Codex Theodosianus / Hrsg. v. Theodor Mommsen. Vol. I, II. Berlin: Weidmann, 1905. 380 p.

Corpus juris civilis. Vol. II. Codex Justinianus / Hrsg. v. Paul Krueger. Berlin: Weidmann, 1892. 509 p.

Destephen, S. Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire. Diocèse d'Asie. Paris: Association des Amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2008. 1056 p.

Drapeyron, L. L'empereur Héraclius et l'Empire byzantin au VIIe siècle. Paris: E. Thorin, 1869. 415 p.

Eusebii Pamphili Vita Constantini / Hrsg. v. Friedrich Adolf Heinichen. Leipzig: Wilhelm Nauck, 1830. 589 p.

Eutrope. Abrégé d'histoire romaine. Par Joseph Hellegouarch. Paris: Les Belles-Lettres, 1999. 274 p.

Garland, L. Byzantine Empresses. Women and Power in Byzantium, AD 527–1204. London; New York: Routledge, 1999. 343 p.

Georgii Cedreni Ioannis Scylitzae ope suppletus et emendatus / Hrsg. von I. Bekker. Vol. I, II. Bonn: Weber, 1838. 802 p.

Golden, P. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p.

Golden, P. Some notes on the Avars and Rouran, in: *The Steppe Lands and the World beyond them: Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday.* Iasi, 2013. P. 43–66.

Golden, P. Some Thoughts on the Origins of the Turks and the Shaping of the Turkic Peoples, in: *Contact and Exchange in the Ancient World* / Ed. by H. Mair. Honolulu, 2006. P. 136–157.

Golden, P. The Stateless Nomads of Early Medieval Central Eurasia, В кн.: Матер. по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Т. XX. Вып. 20. P. 333–368.

Hayashi Toshio. Agriculture and Fortification of the Xianbei and the Rouran, В кн.: *Культурно-исторические процессы в Центральной Азии (древность и средневековье): In memoriam Yuri Zuev.* Алма-Ата: ТОО Дайк-Прес, 2012. С. 158–167.

Head Constance. Justinian II of Byzantium. Madison; Milwaukee; London: The University of Wisconsin Press, 1972. 181 p.

Hing Ming Hung. Li Shi Min. Founding the Tang Dynasty. The Strategies that made China the Greatest Empire in Asia. New York: Algora Publishing, 2013. 220 p.

Hinsh, B. Women in Early Medieval China. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2019. 237 p.

Holum, K. G. Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1982. 276 p.

Howard-Johnston, J. Armenian Historians of Heraclius: An Examination of the Aims, Sources and Work-Methods of Sebeos and Movses Daskhurantsi, in: *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* / by Reinink G. J., Stolte B. H. Leuven. Paris; Dudley, MA: Peeters, 2002. P. 41–62.

Hussey, R. (Ed.) *Socratis Scholastici Historia Ecclesiastica*. Vol. I.II. Oxford, 1853. 467p.

Ioannis Malalae *Chronographia* / Hrsg. v. Iohann Thurn. (CFHB 35). Berlin; New York: De Gryuter, 2000. 551 p.

Ioannis Zonarae *Annales* / Hrsg. von M. Pinder. Vol. III. Bonn: Weber, 1897. 932 p. *Kaegi, W. E.* Heraclius. Emperor of Byzantium. Cambridge: University Press, 2003. 359 p.

King Ch., W. Attila, Honoria, and the Nature of Hunnic Rule, in: *Radical Traditionalism: The Influence of Walter Kaegi in Late Antique, and Medieval Studies* / Ed. by Ch. Raffensperger and D. Olster. London: Kindle Edition, 2019. P. 97–114.

La Vassière, de, E. Maurice et le Qaghan: à propos de la digression de Théophylacte Simocatta sur les turcs, in: *Revue des Etudes Byzantines*. 2010. Vol. 68. P. 219–224.

La Vassière, de, E. Note sur la chronologie du voyage de Xuanzang, in: *Journal Asiatique*. 2010. Vol. 298 (1). P. 157–168.

La Vassière, de, E. Oncles et frères: les qaghans Ashinas et le vocabulaire turc de la parenté, in: *Turcica*. 2010. Vol. 42. P. 267–278.

La Vassière, de, E. Theophylact's Turkish *Excurs* revisited / Ed. V. Schiltz. T. 2: De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin. Paris, CNRS Editions, 2015. P. 91–102.

La Vassière, de, E. Ziebel Qaghan identified, in: *Constructing the Seventh Century* / Ed. by C. Zuckerman. Paris, 2013. P. 741–748

Martindale, J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III A, B. AD 527–641. Cambridge: University Press, 1992. 1575 p.

Menchen-Helfen Otto. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; London: California University Press, 1973. 602 p.

Michel Psellos. Chronographie. Par Emile Renauld, Paris : Les Belles Lettres, 1926. T. I, II. 162 p.

Morawcsik Gyula. Byzantinoturcica. Berlin: Akademie Verlag, 1958. B. II. 376 p.

Movsēs Daxuranci. The History of the Caucasian Albanians / Transl. by C. J. F. Dowsett. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1961. 252 p.

Müller Shing. Horses of the Xianbei, 300–600 AD: A Brief Survey, in: *Pferde in Asien: Geschichte, Handel und Kultur / Horses in Asia: History, Trade and Culture* / Ed. by Fragner B. G., Kauz R., Ptok R., Schottenhammel A. 2009. P. 181–193, 284–288.

Nicetae Choniatae *Historia* / Hrsg. von J. L. Dieten (CFHB11). Vol. I. Berlin; New York: De Gryuter, 1975. 655 p.

Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History / Text, Translation and Commentary by Cyril Mango. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990. 247 p.

Pelliot, P. Tokharien et Koutchéen, in: *Journal Asiatique*. I. Paris, 1934. P. 23–106.

Philostorgius. Kirchengeschichte (mit dem Leben des Lucian von Antiochen und den Fragmenten eines arianischen Historiographen) / Hrsg. J. Bidez. Leipzig: J. C. Hinrichs' Buchhandlung, 1913. 340 p.

Pohl Walter. Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München: Verlag C. H. Beck, 1988. 529 p.

Pritsak Omeljan. From the Säbirs to the Hungarians, in: *Hungaro-Turcica: Studies in honor of Jilian Németh*. Budapest: Loránd Eötvös University, 1976. P. 17–30.

Pulleyblank Edwin G. Tribal Confederations of Uncertain Identity. The Hsiung-nu, in: *Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta* / Ed. by H. R. Roemer. Berlin: Klaus Schwarz, 2000. P. 52–101.

Pernice Angelo. L'Imperatore Eraclio. Firenze: Galletti e Cocci, 1905. 327 p.

Polyaeni Stratagematon Libri Octo / Hrsg. v. Iohann Melber. Leipzig: Teubner, 1887. 562 p.

Pourshariati Parvaneh. Decline and Fall of the Sassanian Empire: The Sassanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. London; New-York: I. B. Tauris, 2008. 537 p.

Prisci Panitae Fragmenta, in *Fragmenta Historicorum Graecorum* / Hrsg. v. Karl Müller. Vol. IV. Paris: A. Firmin Dido, 1851. 420 p.

Procopii Caesariensis Opera Omnia / Hrsg. v. Jacob Haury. Vol. I–IV. Leipzig: Teubner, 1905–1913. 552 p.

Schönfelder, J. M. Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus. München: Verlag der Leut. Buchandlung, 1862. 311 p.

Scriptores Historiae Augustae / Hrsg. v. Ernst Hohl. Leipzig: Teubner, 1965. Vol. I, II. 322 p.

Seck Otto. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. B. I. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1895. 428 p.

Sexti Aurelii Victoris Historia Romana / Hrsg. v. succ. Ottonis Holtze. Leipzig, 1892. 164 p.

Sinor, D. Autour d'une migration de peuples au Ve siècle, in: *Extrait du Journal asiatique (1946–1947)*. Paris: Société asiatique, 1948. P. 25–29.

Sophoulis, P. Byzantium and Bulgaria, 775–831. Leiden; Boston: Brill, 2012. 367 p.

Speck, P. Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros: Πουκίλα Βυζαντινά 9. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1988. 548 p.

Speck, P. Épiphanie et Martine sur les monnaies d'Héraclius, in: *Revue Numismatique*. 1997. P. 457–465.

Speck, P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. I. Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III, Πουκίλα Βυζαντινά 19. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2002. 448 p.

Speck, P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. II., Eine Neue Erkenntnis Kaiser Leons III, T. III, Die Απόστασις Ῥώμης καὶ Ἰταλίας und der *Liber Pontificalis*, Παικίλα Βυζαντινά 20. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2003. 235 p.

Speck, P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. Quellenkritische Darstellung von 25 Jahren byzantinischer Geschichte nach dem ersten Ikonoklasmus. München: Wilhelm Fink Verlag, 1978. B. I.II. 857 p.

Theophanis Chronographia / Hrsg. v. Karl De Boor. Leipzig: Teubner 1883. Vol.I. 503 p.

Trombley, F. R. Military Cadres and Battle during the Reign of Heraclius, in: *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* / ed. by Reinink G. R., Stolte B. H. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2002. P. 241–261.

Touraj, D. Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire. London; New York: I. B. Tauris, 2009. 225 p.

Valeri Maximi Factorum et Dictorum Memorabilium Libri Novem / Hrsg. v. Karl Kempf. Stuttgart: Teubner, 1966. 672 p.

Watt J., C. Y. China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD. Comp. An Jiayao, Angela F. Howard, Boris I. Marshak, Su Bai, and Zhao Feng. New York: Metropolitan Museum of Art, 2004. 392 p.

Watt, J. W. The Portrayal of Heraclius in Syriac Historical Sources, in: *The Reign of Heraclius (610–641). Crisis and Confrontation*, ed. by Reinink G. R., Stolte B. H. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2002. P. 63–79.

Withby, M. The Emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare. Oxford: Clarendon Press, 1988. 384 p.

Shifeng, Zh, Shaotang, Chu. China mit allen Provinzen, Tibet und der Inneren Mongolei. Luzern: Reich Verlag, 1980. 224 p.

Zotenberg, H. Th. Chronique de Jean, Évêque de Nikiou. Texte Éthiopiens publiés et traduits. Paris: Imprimerie Nationale, 1883. 488 p.

Zuckerman, C. Au sujet de la petite Augusta sur les monnaies d'Héraclius, in: *Revue Numismatique*. 1997. P. 473–478.

Zuckerman, C. Heraclius and the return of the Holy Cross, in: *Constructing the Seventh Century* / Ed. by C. Zuckerman. (Travaux et Mémoires 17) Paris: Association des Amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2013. P. 197–218.

Zuckerman, C. La petite Augusta et le Turc. Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius, in: *Revue Numismatique*. 1995. P. 113–126.

Абдулпатахова, Х. М. К вопросу о распространении иудаизма в Хазарии, В кн.: *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*. 2008. № 80. С. 13–16. = *Abdulpatahova, Kh. M.* К вопросу о распространении иудаизма в Хазарии [On the issue of the

spread of Judaism in Khazaria], in: *Izv. Ros. state ped. un-ta im. A. I. Herzen*. 2008. No. 80. P. 13–16.

Арранти, М. Таинства Византийского Евхология. Рим; М: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. Т. III. 674 с. = *Arrantz, M. Tainstva Vizantijskogo Evhologija* [The Mysteries of the Byzantine Euchologion], Rome; М: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Foma, 2003. Vol. III. 674 p.

Афиногенов, Д. Гибель императора Валента в греческой историографической традиции, В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2012. Вып. 16. С. 34–41. = *Afinogenov, D. Gibel' imperatora Valenta v grecheskoj istoriograficheskoj tradicii* [The Death of Emperor Valens in the Greek Historiographic Tradition], in: *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2012. Issue. 16, pp. 34–41.

Афиногенов, Д. Е. Загадочная смерть императора Иовиана. Текстологический этюд, В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2011. Вып. 15. С. 15–21. =

Afinogenov, D. E. Zagadochnaja smert' imperatora Ioviana. Tekstologicheskij jetjud [The mysterious death of Emperor Jovian. Textological study], in: *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2011. Issue. 15. P. 15–21.

Афиногенов, Д. Е. Новые следы Патрикия Траяна? В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2014. Вып. 18. С. 13–21. = *Afinogenov, D. E. Novye sledy Patrikija Trajana?* [New Traces of Patricius Trajan?], in: *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2014. Issue. 18. P. 13–21.

Афиногенов, Д. Е. Рассказ об осаде Константинополя в 717–718 годах в хронике Феофана Исповедника: следы редакторской работы, В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2018. Вып. 22–1. С. 60–67. = *Afinogenov, D. E. Rasskaz ob osade Konstantinopolja v 717–718 godah v hronike Feofana Ispovednika: sledy redaktorskoj raboty* [The story of the siege of Constantinople in 717–718 in the chronicle of Theophan the Confessor: traces of editorial work], in: *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2018. Issue. 22–1. pp. 60–67.

Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1950. Т. I. 382 с. = *Bichurin, I. Ya. Sbranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times], М.; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1950. Т. I. 382 p.

Болгов, Н. Н. Закат античного Боспора. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 1996. = *Bolgov, N. N. Zakat antichnogo Bospora* [Sunset of the ancient Bosphorus], Belgorod: Belgorod Publishing House. state un-ta, 1996.

Гумилев, Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности, В кн.: *Византийский временник*. Т. XXVI. М., 1965.

С. 67–76. = *Gumilev, L. N.* Biografija tjurkskogo hana v «Istorii» Feofilakta Simokatty i v dejstvitel'nosti [Biography of the Turkic Khan in Theophylact Simocatta's History and in reality], in: *Byzantine Timepiece*. Т. XXVI. М., 1965. S. 67–76.

Гумилев, Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К^о», 1993. 513 [13] с. = *Gumilyov, L. N.* Drevnie tjurki [Ancient Turks], MOSKVA: Partnership “Klyshnikov Komarov and Co”, 1993. 513 [13] p.

Гумилев, Л. Н. Подвиг Бахрама Чубины. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 48 с. = *Gumilyov, L. N.* Podvig Bahrama Chubiny [The feat of Bakhrām Chubina], Leningrad: Publishing House of the State, Sankt-Peterburg: Hermitage, 1962. 48 p.

Гуревич, А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 350 с. = *Gurevich, A. Ya.* Izbrannyye trudy. Drevnie germancy. Vikingi. [Selected Works. Ancient Germans. Vikings], Moskva; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 350 p.

Ермолова, И. Е. К вопросу о матримониальных отношениях варваров и римлян, В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Вып. 17. СПб.: Наука, 2013. С. 290–299. = *Ermolova, I. E.* K voprosu o matrimonial'nyh otnoshenijah varvarov i rimljan [On the question of the matrimonial relations of barbarians and Romans], in: *Indo-European linguistics and classical philology*. Issue. 17. St. Petersburg: Nauka, 2013, pp. 290–299.

Кляшторный, С. Г., Савинов, Д. Г. Степные империи древней передней Азии. СПб., 2005. = *Klyashorny, S. G., Savinov, D. G.* Stepnye imperii drevnej perednej Azii [Steppe empires of ancient Western Asia], St. Petersburg: Nauka, 2005.

Лебедева, Г. Е. Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (куриалы, сенаторы по данным кодексов Феодосия и Юстиниана), В кн.: *Вестн. ЛГУ*. 1990. Вып. 4 (23). С. 21–30. = *Lebedeva, G. E.* Dinamika social'noj struktury rannevizantijskogo obshhestva (kurialy, senatory po dannym kodeksov Feodosija i Justiniana) [Dynamics of the social structure of the early Byzantine society (curials, senators according to the codes of Theodosius and Justinian)], in: *Vestn. LGU*. 1990. Issue. 4 (23). pp. 21–30.

Кызласов, Л. Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: История и археологические исследования. М.: Восточн. литература, 2006. 360 с. = *Kyzlasov, L. R.* Gorodskaja civilizacija Sredinnoj i Severnoj Azii: Istorija i arheologicheskie issledovanija [Urban civilization of Middle and North Asia: History and archaeological research], Moskva: East. Literature, 2006. 360 p.

Кызласов, Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу, В кн.: *Вестн. Москов. ун-та*. Серия 8: История. 2006. № 2. С. 138–150. = *Kyzlasov, L. R.* Simvol kresta u maniheev i sakral'noe prostranstvo goroda Sujaba na reke Chu [The symbol of the cross among the Manicheans and the sacred space of the city of Suyaba on the Chu River], in: *Vestn. Moscow. university Series 8: History*. 2006. No. 2. S. 138–150.

Моравчик, Ю. Происхождение слова TZITZAKION, В кн.: *Seminarium Kondakovianum*. 1931. Т. IV. С. 69–76. = *Moravchik, Yu. Proishozhdenie slova TZITZAKION* [The origin of the word TZITZAKION], in: *Seminarium Kondakovianum*. 1931. Т. IV. pp. 69–76.

Ростовцев, М. И. Амага и Тиргатао, В кн.: *Bibliotheca Chersonesitana* 32. Одесса. 1915. = *Rostovtsev, M. I. Amaga i Tirgatao* [Amaga and Tirgatao], in: *Bibliotheca Chersonesitana*. 1915. Vol. 32.

Соколов, И. И. Усыновление и его отношение к браку в Византии и на современном греческом Востоке: Историко-правовой очерк. СПб., 1910. 128 с. = *Sokolov, I. I. Usynovlenie i ego otnoshenie k braku v Vizantii i na sovremenom grecheskom Vostoke: Istoriko-pravovoj ocherk* [Adoption and its relationship to marriage in Byzantium and the modern Greek East: A historical and legal essay]. St. Petersburg, 1910. 128 p.

Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах, В кн.: *Картлис Цховреба. История Грузии* / Пер. М. Д. Лоркипанидзе. Тбилиси: Артануджи, 2008. С. 221–242. = *Sumbat Davitis-dze. Istorija i povestvovanie o Bagrationah* [History and narrative about the Bagrations], in: *Kartlis Tskhovreba. History of Georgia* / Per. M. D. Lorkipanidze. Tbilisi: Artanuji, 2008, pp. 221–242.

Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си ю цзи) / пер. и коммент. Н. В. Александровой. М.: Восточн. Литература, 2012. 461 [2] с. = *Xuanzang. Zapiski o zapadnyh stranah* [jepochi] Velikoj Tan (Da Tan si ju czi) [Notes on the Western countries [of the era] of the Great Tang (Da Tang xi yu ji)] / transl. and comment. N. V. Alexandrova. Moskva: East. Literature, 2012. 461 [2] p.

Ткаченко, А. А. Братотворение: Православная Энциклопедия [Электронный ресурс]. Т. VI. URL: <https://www.pravenc.ru/text/153343.html> = *Tkachenko, A. A. Bratotvorenje: Pravoslavnaja Jenciklopedija* [Brotherhood: Orthodox Encyclopedia]. Т. VI. URL: <https://www.pravenc.ru/text/153343.html>

Тугушева, Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. 179 с. = *Tugusheva, L. Yu. Fragmenty ujugurskoj versii biografii Sjuan'-czana* [Fragments of the Uighur version of Xuanzang's biography], Moskva: Nauka, Main edition of Eastern literature, 1980. 179 p.

Хазанов, А. М. Обычай побратимства у скифов, В кн.: *Сов. археология*. 1972. № 3. С. 68–75. = *Khazanov, A. M. Obychaj pobratimstva u skifov* [The custom of twinning among the Scythians], in: *Sov. archeology*. 1972. No. 3. S. 68–75.

Хелимский, Е. А. Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология: матер. к докл. на XIII Междунар. съезде славистов, Любляна, 15–21 авг. 2003 г. Гамбург, 2003. С. 3–12. = *Khelimsky, E. A. Tunguso-Man'chzhurskij jazykovoj komponent v Avarskom kaganate i slavjanskaja*

jetimologija: mater. k dokl. na XIII Mezhdunar. s#ezde slavistov, Ljubljana, 15–21 avg. 2003 g. [The Tungus-Manchu language component in the Avar Khaganate and Slavic etymology: mater. to the report at the XIII International Congress of Slavists], Ljubljana, August 15–21. 2003 Hamburg, 2003, pp. 3–12.

Худяков, Ю. С., Скобелева, С. Г. (ред.) Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сб. научн. тр. Новосибирск: Изд. гос. унив., 2005. 231 с. = *Khudyakov, Yu. S., Skobeleva, S. G. (eds.) Voennoe delo nomadov Central'noj Azii v sjan'bijskuju jepohu: sb. nauchn. tr.* [Military affairs of the nomads of Central Asia in the Xianbei era: coll. scientific tr.], Novosibirsk: Ed. state univ., 2005. 231 p.

Худяков, Ю. С. Женщины-воины у народов Сибири и Центральной Азии в древности и средние века, В кн.: *Vestn. Novosibir. gos. un-ta.* Серия: История. Филология. 2017. С. 80–88. = *Khudyakov, Yu. S. Zhenshhiny-voiny u narodov Sibiri i Central'noj Azii v drevnosti i srednie veka* [Women warriors among the peoples of Siberia and Central Asia in antiquity and the Middle Ages], in: *Vestn. Novosibirsk state university Series: History. Philology.* 2017, pp. 80–88.

Чичуров, И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 215 с. = *Chichurov, I. S. Vizantijskie istoricheskie sochinenija: «Hronografija» Feofana, «Breviarij» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarij.* [Byzantine historical writings: «Chronography» by Theophanes, «Breviary» by Nicephorus. Texts, translation, commentary], Moskva: Nauka, 1980. 215 p.

Шувалов, П. В. Два железных стремени, В кн.: *KOINON ΔΩΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В. П. Никонорова от друзей и коллег.* СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2014. С. 568–576. = *Shuvalov, P. V. Dva zheleznyh stremeni* [Two iron stirrups], in: *KOINON ΔΩΡΟΝ: Research and essay in honor of the 60th anniversary of V. P. Nikonorov from friends and colleagues,* St. Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg State University, 2014. S. 568–576.